

К63.3(2)622.88
И 95

РАССКАЗЫ О ФРОНТОВИКАХ

РАССКАЗЫ О ФРОНТОВИКАХ

ИХ

проводил

и встречал

Сургут

РАССКАЗЫ О ФРОНТОВИКАХ

РАССКАЗЫ О ФРОНТОВИКАХ

КБЛБ (2-2 Сургут) 622, 88
И 95

Великой Победе —
55 лет

Их провожал и встречал Сургут

Составитель
Г. Кондрякова

Рассказы о фронтовиках

1 - 76930 - КР
Г. МУН ЧБС
Г. СУРГУТ КР
1 - 76930 - КР

9000091043

Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 2000

И 95 ИХ ПРОВОЖАЛ И ВСТРЕЧАЛ СУРГУТ: Рассказы о фронтовиках/Сост. Г.В. Кондрякова. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 160 с. + илл. 8 с.

В Сургуте сегодня насчитывается около пятисот бывших солдат Великой Отечественной войны. И только 20 из них, кто уходил из Сургута и вернулся домой, остались в живых.

Им и посвящается эта книга.

Идея создания ее принадлежит комитету ветеранов войны.

© Кондрякова Г.В. (составление), 2000.

© Кухтерин А.С. (обложка), 2000.

© Кубочкин С.Н. (дизайн), 2000.

© Администрация г. Сургута (издание), 2000.

© Издательство Ю. Мандрики (оформление), 2000.

ISBN 5-93020-064-5

Вместо предисловия

В грозные годы Великой Отечественной войны свою лепту в общую победу над фашизмом внесла и сургутская земля. Подвиг сургутян — на фронте и в тылу — навсегда в народной памяти.

В родные места Сургутского района не вернулись с полей сражений 1240 земляков: 924 человека погибли, установлены места захоронения 661 сургутянина; 131 человек умерло от ран и два человека расстались с жизнью в плену.

Вот горький перечень мест, где нашли вечный покой наши земляки:

Германия — 23, Венгрия — 9, Румыния — 2, Польша — 42, Чехословакия — 3, Югославия — 1, Австрия — 3, концентрационный лагерь «Майданек» — 1, Украина — 59, Белоруссия — 26, Молдавия — 1, Прибалтика — 47, Ленинградская область

— 131, Калининская — 67, Новгородская — 48, Псковская — 17; Ростовская — 8, Мурманская — 1, Карелия — 11, Краснодарский край — 2, Приморский край — 1, Крым — 2, Кенигсберг — 1, Смоленск и Калуга — 41, Сталинград — 50, Москва — 11, Вологда — 6, Казань — 3, Рыбинск — 2, Тула — 3, Саратов — 1, Тамбов — 1, Кемерово — 1, Иваново — 1, Кострома — 1, Воронеж — 1, Томск — 1, Баку — 1, Сталинабад — 1, Алма-Ата — 1, Курская дуга — 28.

Всего из Сургута и района за годы войны было мобилизовано 2615 человек 35 возрастов — с 1889 по 1926 года рождения.

В том числе в 1938—1940 гг. ушли в армию 273 человека, в 1941 году — 767, в 1942 — 1010, в 1943 — 290, в 1944 — 241 человек. Призвано сургутян из других городов и районов — 34 человека, в частности, два солдата, герои наших очерков: Зиновий Трофимович Скутин и Екатерина Маркеловна Желанова — из Дубровинского, ныне Вагайского района, и Полтавского, куда были направлены: один учительствовать, другая лечить.

Призванные весной 1945 года в этот расчет не вошли, так как они не успели попасть на войну ни на западе, ни на востоке.

К началу войны в Сургутском районе насчитывалось 14 тысяч жителей. Таким образом, мобилизован был каждый пятый.

*(Из выступления Ф.Я. Показаньева
5 мая 1995 года
на исторических чтениях
«Великий подвиг народа»)*

Панкины

Удивительно, что вся его судьба связана с красными календарными датами: родился чуть ли не в один день с Октябрьской революцией, в том же, 1917, году, 8 ноября. В 1941 году его призвали на фронт, накануне 9 мая — будущего всенародного праздника Победы. Жестокие ранения получил 23 февраля — в день рождения Красной Армии. И таких совпадений в жизни ветерана немало.

Он принадлежит к старинному казачьему роду Панкиных, что ведут свое происхождение, согласно семейным преданиям, от тех воеводских дружинников — «государевых людей», которые четыреста лет назад причалили на стругах к крутому обскому берегу, поставили из этих же стругов крепость-острог, первую церковь и назвали сей град Сургутом.

Панкины жили не только в уездном городишке Сургут, но и в появившихся в прошлые века селах и деревнях по берегам Оби. Как правило, сургутяне были люди зажиточные, крепкие хозяева: кормила тайга, кормила великая Обь.

Панкины разные были: яркие, самобытные, хваткие. Дед нашего героя, Василий, прожил сто шесть лет и почти до самой смертушки ходил бить зверя, ездил на рыбацкие «пески» — так раньше назывались рыбные угодья. Общим у всех Панкиных было, да и теперь остается, трудолюбие.

Старая семейная фотография двадцатых годов, от которой веет атмосферой тех лет. Настоящий бравый казак: усы скобкою, смелый, независимый взгляд, прямая горделивая осанка — отец Василий Васильевич Панкин. Рядом его юная жена Анна Ивановна. И многочисленное потомство: пятеро сыновей и лапочка-дочка. В детских лицах проглядывает несомненное фамильное сходство: крутые упрямые лбы, твердый взгляд широко распахнутых глаз. И вот он, Клавдий Панкин, в надежном семейном кругу, еще ничего не подозревающий не только о красных да-

тах, но и вообще о жизненных превратностях, что подготовила судьба ему и всем Панкиным, да что там Панкиным, всему Сургуту, всему народу русскому в XX веке. В кровавых разборках красных и белых Панкины не участвовали, они скромно и тихо растили детей, ставили дом, рыбачили, в поте лица добывали хлеб насущный. День шел за днем, год за годом, и, казалось, никакие бури века не всколыхнут эту спокойную семейную жизнь.

Клавдий учился в Омске, в машиностроительном техникуме: в Сургуте уже действовали консервная фабрика и машинно-тракторная станция, где требовались рабочие руки, знающие новые ремесла. И тут впервые жизнь показала пареньку свою жестокую сторону.

До затерянного среди сибирской тайги Сургута война с японцами докатилась в виде политинформаций, на которые настоятельно рекомендовало ходить начальство. Василий Васильевич Панкин, отец Клавдия, помнил еще первую русско-японскую войну, закончившуюся позорным поражением царизма. Скручивая сигарку, Панкин-старший буркнул в про-

куренные усы: «Погодите уж, покажут вам япошки!». Конечно, было в этих словах больше предостережения, чем угрозы, однако шел тридцать девятый год, кто-то донес об этом, и отцом занялись компетентные органы. Пригрозили, что если не будет держать язык за зубами, то узнает другие места, хотя Сургут и так имел репутацию ссыльного места.

И все-таки Василия Васильевича Панкина арестовали как «врага народа», а дети его стали, соответственно, «вражьими» детьми. Его судьба долгие годы не была известна родным. Лишь в наше время был опубликован в окружной газете так называемый «югорский лимит» — списки осужденных и расстрелянных в Самарове в те страшные годы, где есть фамилия и Василия Васильевича.

В Омском машиностроительном техникуме некоторые студенты с запятнанной репутацией стали исчезать по одному. Клавдий Панкин не стал дожидаться вызова в кабинет директора и ареста. Юный северянин встал на лыжи и покинул Омск. В это трудно поверить, но сотни километров, отделявшие областной центр от родного Сургута, он прошел на лы-

жах. Конечно, были тогда геройские переходы лыжников, посвященные большим событиям, но это были хорошо подготовленные и экипированные группы, за передвижением которых следили и были готовы в любой момент прийти на помощь.

Анна Ивановна, увидев на пороге сына-студента, совсем не удивилась — поняла все сразу. Клавдий так и не стал инженером. Впрочем, он всегда хорошо учился, прекрасно рисовал, музицировал. Знаменитый сургутский педагог-просветитель Аркадий Степанович Знаменский сам занимался с одаренным мальчиком, оценив не только его музыкальные и художественные способности, но и врожденную деликатность, доброжелательность. Эти отношения учитель и ученик сохранили на долгие годы, до смерти Аркадия Степановича.

И стал Клавдий учителем начальных классов в деревне Пилюгино, километрах в тридцати от Сургута, на левом берегу Оби. Здесь повстречал Клавдий Васильевич и свою половину. То была семнадцатилетняя Галина Кушникова с двумя тугими косичками за плечами и смешливыми искорками в гла-

зах. Застенчивый интеллигентный учитель вдруг превратился в казака, которому ничто не стоит выкрасить девчонку «вместе с забором», благо, что в родне у Панкиных такие случаи были.

Тогда у всех сургутян были уличные прозвища.

Клавдия, например, звали Грачом — за черные кудри и яркие карие глаза. Галину Кушникову наградили кличкой Глащи́ха: дед ее был известный на всю округу купец Глазков. В семье, хоть это и не принято было в те времена, даже опасно, втайне гордились своим прошлым, берегли семейные реликвии и традиции. Одну из них — уважительные теплые отношения в семье, начисто лишённые какой бы то ни было крикливости и грубости, — Галина Андреевна привила и у себя в доме.

В мае 1942 года братья Панкины: Петр, Геннадий, Клавдий — отправились на фронт. «Белой смертью» называла немецкая пропаганда 42-ю стрелковую бригаду, державшую оборону под Ленинградом. Облаченные в белые маскировочные халаты лыжники с автоматами и пулеметами совершали вылазки в тыл врага. В эту бригаду и попал Клавдий. Здесь он

повстречал сургутянина Гену Захарова. Командир батальона сразу заметил умение новичка ходить на лыжах, его выносливость, меткость при стрельбе: отец учил сыновей попадать белке в глаз, чтобы не пороть шкурку.

Первым делом Панкин лыжи, как говорится, подогнал под себя, но их «увели». Добродушно посмеиваясь, северянин взялся за следующую пару лыж, потом другую... Его всегда выбирали в разведку: чуткий слух Клавдия улавливал малейшие шорохи, различал даже падение снежного кома от шума, произведенного человеком.

На войне Клавдий Панкин постиг ее важные секреты. Умереть в бою не страшно, для солдата важнее суметь выжить в самом пекле. Не случайно своим ординарцем командир батальона назначил именно Клавдия.

Как-то вернулись разведчики ни с чем: сказали, что нужен был отвлекающий маневр. А что значит отвлекающий маневр? Это когда горстка смельчаков где-то на фланге отвлекает на себя силы противника, в его обороне возникает брешь, через которую и просачиваются разведчики.

Операция удалась, но какой ценой! Разведчики ушли глубоко в тыл врага, а убитые и раненые бойцы остались лежать под кинжальным огнем противника. Их нужно было вытащить, и Клавдия с другими солдатами послали на выручку.

Они поползли до пулеметчиков, и тут словно гора обрушилась и придавила Клавдия, он впал в забытие. Его, тяжело раненного и потерявшего много крови, вытащил товарищ. Из двух лыж сделал подобие санок и потащил в часть.

Когда Клавдий очнулся, над головой качалось морозное звездное небо, а впереди смутно угадывалась фигура в белом маскхалате. «Жив!» — подумал он про себя и снова потерял сознание...

Сначала он учился сидеть, потом стоять, ходить с костылями. У него были прострелены шея, руки, нога. Незаметно пришла весна, Клавдий, глядя на распускаявшиеся за окном госпиталя пушистые вербные сережки, прикидывал: а в Сургуте еще метели гуляют, Обь еще подо льдом лежит... Вот теперь реки на Севере вскрылись, ледоход, через пару недель пароходы пойдут.

Удивительное совпадение: братья Панкины после ранений вернулись в Сургут на одном пароходе. Разноголосый шум Черномысовского причала, крики, пестрота лиц, среди которых Клавдий сквозь застилавшие глаза горячие слезы пытался найти лица родных, свою Галочку, и гулкий стук его костылей о доски причала.

Он учился ходить без костылей. Сначала без одного, затем и другой отбросил, подвергая себя мучительным тренировкам. И все увереннее владел телом, тверже стал его шаг, прибавилось сил. Дед Андрей Кушников поставил им с Галей дом на углу улиц Февральской и Мостовой. Небольшой, всего из двух комнатушек, он стал их первым семейным гнездом. Это потом он превратился в высокое и светлое жилище. Только в зале было пять больших окон, на которых всегда стояли цветы. Этот дом строили всей семьей.

Родились дети: Игорь, Петр, Виктор, Галина, Таня. На фотографии тех лет — Клавдий Васильевич с Галиной Андреевной с кучей детей и друзей за праздничным столом. Свежий ветер колышет паруса белых занавесок на окнах, на столе пыхтит самовар

в окружении чайных чашек: нелюбовь к спиртному у Панкиных в крови. Счастливые молодые лица, спокойная уверенность, что завтра будет лучше, чем вчера, — вот чем жила эта большая дружная семья.

Говорят, мера счастья измеряется мерой его ожидания, а мне кажется, что счастье вообще неуловимо, неосознаваемо, и только спустя годы и годы понимаешь, что вот он был, миг счастья, а не вернешь. Панкины не ждут призрачного завтрашнего счастья, живут сегодняшним днем.

Всех Панкиных отличает жизнелюбие, привычка не сидеть без дела, передаваемые из поколения в поколение. Галина Клавдиевна, одна из дочерей ветерана, больше всего запомнила трудовые уроки детства. «Галь! — будила ее на зорьке мать. — Вставай, дочка, помоги, не успеваю на кухне». Сколько ей тогда было? Семь, десять, двенадцать? Пололи, красили, пасли корову, кололи дрова, содержали дом младшие Панкины. И все похожи были на отца.

Росла Галина Клавдиевна, постигая премудрость семейных традиций, стала экономистом, выросла до заместителя начальника департамента по инвести-

циям и финансовой дисциплине. Все, что было заложено родителями: добрые семена трудолюбия, уважение к людям, ответственность, чувство долга, а также, что посеяла школа и умные добрые книги, — все пригодилось ей в жизни.

Коренная сургутянка, урожденная Панкина, Галина Клавдиевна Агапова — уважаемый в городе человек, прекрасная жена и мать. Сын Дима учится в Сургутском государственном университете, дочь Ольга стала экономистом.

А у дедушки Клавдия — семеро внуков, три правнука. Он такой же улыбчивый и приветлив с людьми. И никакие катаклизмы — природные или общественные — не меняют его доброжелательного отношения к людям. Правда, у бывшего «Грача» давно не осталось черных кудрей, но 82-летний ветеран по-прежнему зорко вглядывается в жизнь. После ранения он плохо слышит, но малейший шум на лестничной клетке заставляет его выглянуть из-за двери: что там происходит?

Зашел однажды Клавдий Васильевич в почтовое отделение на улице Северной. Взвинченные сообще-

нием о том, что на всех денег на выплату пенсии не хватит, пожилые люди яростно отпихивали друг друга от заветного окошечка. Клавдий Васильевич молча стоял в стороне. Кто-то заметил ветерана войны и попросил пропустить его вперед. Панкин отнекивался: мол, ничего, постою. Но очередь уже молча наступила перед ним.

И так всегда и во всем: не любит выставлять на показ он свои боевые награды, поможет слабому. Его не приглашают на праздничные мероприятия: здоровье уже не то, да и панкинский особый взгляд на страшную войну не все разделяют.

Зато обожает деда внук Дима, считающий, что здравомыслие и жизненная мудрость самого старшего из Панкиных пригодятся и в третьем тысячелетии. За дверью Панкиных можно услышать звуки пианино. «Это Дима, — поясняет Галина Клавдиевна. — В нем вдруг проснулась тяга к музыке, поэтому пришлось купить сыну пианино».

Давным-давно, в начале XX века, подбирал на слух мелодии, перебирая струны гитары, и дед этого мальчика, теперь ветеран Клавдий Панкин. Еще хра-

нятся в семье написанные им картины: бушующее море, таежная избушка, натюрморт из фруктов. Сочные, яркие мазки, размашистая манера живописи.

Не сломила Панкина война, он пересилил тяжелые раны и остался человеком, который со своими родными и сегодня украшает наш мир.

А. Ярошко

Река жизни

— Привет, Андреич, опять на рыбалку? Ну хорошего тебе улова, погодка вроде бы ничего. Ущицей-то угостишь?

В Сургутской РЭБ флота Ивана Андреевича знают давно и уважают. Как-никак более двадцати лет отработал он здесь капитаном-наставником, все суда и команды знает, как свои пять пальцев. Опытный капитан, бывалый речник. И характером обладает легким. С таким человеком и дела идут хорошо. Потому и тянутся к нему люди, да и он без них скучает.

Перекинувшись парой незначительных фраз с собравшимися у вагончика речниками, Иван Андреевич растопил печку, поставил чайник и пошел смотреть сети. Накануне улов удался неплохим, хотя шли одни чебаки. Однако и эта рыба в здешних местах, если приготовить её умело, за милую

душу сойдет. А уж он-то в этих делах толк знает. Считай, вся жизнь на реке прошла, кроме тех шести военных лет.

Дед и прадед Ивана Кайдалова из потомственного казачьего рода и состояли, судя по жизнеописанию, на службе в казачьих сотнях. Крепкие телом, статные, знавшие толк в хозяйстве, они оставили после себя неплохое наследство. Дом Кайдаловых в Сургуте до войны считался зажиточным: шесть лошадей, корова, птица домашняя — все давалось тяжелой крестьянской работой. И дичь прямо на наличники садилась: то глухарь, то тетерев. Усадьба Кайдаловых прямо на берегу Оби. Сейчас на этом месте построили девятиэтажки, которые окрестили «свечками». В одной из них и выделили Ивану Андреевичу двухкомнатную квартиру. Живет он, стало быть, на месте бывшего своего родового гнезда.

В свои семьдесят семь лет выглядит Кайдалов еще молодым. Как он сам полагает, все это потому, что душа у него никак стареть не хочет. По натуре — романтик и большой любитель сцены. То ли это природный дар, то ли стечение обстоятельств, но со сце-

ной и театром, который он и основал, у него родилась дружба — водой не разольешь.

До войны Ивану пришлось поработать и санитаром на ветучастке, и киномехаником. Катюшки с фильмами возил на лошадях и сам их озвучивал, поскольку в прокате в те годы были немые ленты, к тому же основательно подпорченные.

Он по сей день помнит «Абрека» и «Волгу-Волгу», не сходивших тогда с экрана, а другие фильмы в район не присылали. В свободное время Кайдалов играл в духовом оркестре, под который тогда танцевала молодежь, справляли свадьбы. И он тоже отправлялся на фронт под звуки духового оркестра.

Сургутян провожали с Черного Мыса всем, как говорится, миром. И хотя май в здешних краях не всегда бывает погожим, в сорок втором в тот самый день, когда стар и млад прощались на пристани со своими земляками, солнце светило весь день. К пристани причалил пароход-колесник, духачи-призывники сыграли прощальный марш, передали инструменты родным, попрощались и поплыли на сборный пункт в Омск.

Иван попал в зенитно-артиллерийский полк, где проучился год и получил звание сержанта. Еще через год он оказался в Нарофоминске под Москвой. Советское командование держало там солидные силы на случай нового наступления фашистов на столицу.

Полк Кайдалова входил в состав резерва главного командования и в боях до определенного времени не участвовал, но готовился к наступлению. И наступать пришлось при освобождении Крыма. Наши войска двигались быстро и решительно, освобождали Ялту, Симферополь, Алушту. Артиллерия, конечно, не несла таких потерь, как пехота, — тем приходилось намного труднее.

Иван стрелял метко, потому как и подготовка была основательной, да и опыт сибирского охотника пригодился. Помнит он знаменитую Ялтинскую конференцию, где руководители союзнических государств обсуждали последний этап войны с гитлеровцами, видел Черчилля, Рузвельта, Сталина, правда, издалека. Кайдалов гордится скромным участием в этом факте истории.

А вообще о своих подвигах на войне Иван Андреевич не любит распространяться, считает, что это была его основная работа — защита Отечества. Он не может и не хочет понимать нынешних «уклонистов» от армии, считая, что настоящий мужчина всегда обязан защищать женщин, детей, стариков. В его молодости парни, не прошедшие военную подготовку, считались «бракованными». А для семей дезертиров такие поступки считались позором. За молодых людей, уклонявшихся от выполнения патриотического долга, даже девчата замуж шли неохотно, а то и совсем их игнорировали.

...Вагончик, который Кайдалову бывший «генерал» «Сургутгазпрома» Александр Пушкин выделил для рыбацких нужд, наполнился ароматом свежесваренного чая. Иван Андреевич любит такие часы, когда, раскумарившись, можно было помечтать, вспомнить что-то важное в жизни, а то и побеседовать с бывшими сослуживцами. Вкус чая на берегу для него связан с запахами леса, тайги, реки. А это и есть его жизнь. Не один десяток лет довелось ему водить катера по Оби и ее притокам.

Хорошо помнит тот год, когда в Сургуте открывали первую буровую. Туда они плавали вместе с главным в то время сургутским геологом Салмановым. Тот всегда с уверенностью говорил и верил в наличие нефти в Сургутском районе. И потом, когда пошли первые фонтаны нефти, радовался этим открытиям, не представляя того, что при освоении нефтяного края появится и негативная сторона. Сомнения появились позже, когда он увидел последствия необузданных и разрушительных методов воздействия пришельцев на живую природу. Первые добыватели нефти оказались глухими к голосу уникальной природы, к призывам коренного населения не губить эту землю, не уничтожать тайгу и ее живность.

Будучи коренным сургутянином, охотником и рыбаком, Иван Кайдалов осознал, что столь стремительное вторжение людей и техники, бездумная вырубка леса, нефтяные разливы и нахлынувший поток случайных людей стали опасными для югорской земли, для добрососедских отношений с ханты и манси. Местные угры жаловались, что им теперь приходится уходить дальше на Север, покидать родовые

угодья не только потому, что птицу распугали, а рыбу вытравили, но и потому, что пришельцы беспощадно грабят и обманывают их, спаивая водкой и одеколоном.

Иван Андреевич, конечно, понимал, что промышленное освоение подземных кладовых — нужное и полезное дело и для местного населения, для развития края. Но он не одобрял те методы, которыми шло это освоение.

Душа у него с детских лет тянулась к романтике, к поэзии. Он проникновенно читает наизусть пушкинского «Гусара», отрывки из поэм, диалоги из любимых кинофильмов о Сибири, Ермаке, родных северных просторах. Голос у него густой и звучный, и память еще сильна. Бывало, ведет по Оби или по притокам свой катер, проходит мимо крутых берегов, а воображение рисует другие времена, и образы легендарных казачьих потомков сами собой возникают как живые. И сами собой польются поэтические строки.

В сорок восьмом году, когда закончил службу по охране государственной границы с Турцией, Кайда-

лов вернулся в Сургут. Брат, который в то время работал в рыбокоопе, запряг лошадь и привез его в родной дом. А вскоре по направлению райкома партии он стал директором районного Дома культуры. Кроме поэтического таланта, в нем проснулся и дар руководителя. Энтузиасты народного творчества потянулись к Ивану Андреевичу и организовали художественную самодеятельность. Участники самодеятельности часто ездили с концертами по району. Появился и драматический кружок. В его репертуаре значились пьесы Островского, Гоголя, Фонвизина. Художественным руководителем кружка была местная жительница Катя Лоншакова, инициативная и творческая личность. Сейчас она — директор музыкальной школы имени А. Знаменского, возглавляет городской Центр русской культуры. Кружковцы собирались вечерами, разучивали роли, сами шили костюмы и готовили декорации.

Со своей женой Домникой Яковлевной Кайдалов познакомился на танцах. Первый танец с Домникой Яковлевной оказался счастливым — и по сей день они неразлучны, делят радости и горе, печали и болезни.

Кайдаловы вырастили и поставили на ноги шестерых детей: двух сыновей и четырех дочерей. Старшая Людмила работает учительницей, младший Анатолий занял капитанский мостик на СТС-15 в той РЭБ флота, где работал отец, а в семьдесят лет с почестями ушел на заслуженный отдых. Так же, как и Кайдалов-старший, перевозит на своем судне солярку, топливо и намотал за это время солидный запас километров.

...Собрав обильный улов, Кайдалов довольно отметил про себя, что предстоящий день рождения жены будет с шикарным пирогом, фаршированной щукой, а для строганины уже давно припасен муксун. Семьдесят четыре годочка исполнится его Домнике. Дети, как и положено, соберутся за столом, внучата прибегут поздравить. Последний из них — прямо вылитый Иван, такой же романтик и рыболов, его и называли-то в честь дедушки Иваном — возглавит четвертый род Кайдаловых.

Домника Яковлевна стала большой общественной. То по кружкам каким-то бегаёт, то клубы собирает. Много женщин ее возраста собираются вместе, находят себе занятие и не замечают, что целый клубок

болячек себе нажили. В молодости она была загружена домашними делами, хозяйством, требовалось много внимания детям. Сейчас она наверстывает то, на что раньше времени не хватало, и про ноги больные забывает. Нет-нет да и у Ивана Андреевича ноги откажут, хоть волком вой. Сказываются и военные раны и возраст, почитай, семьдесят семь годиков стукнуло.

В 70-летие вручил ему Юрий Важенин, нынешний генеральный директор «Сургутгазпрома» ключи от автомобиля «Москвич» в знак уважения за труд и воинские доблести. Это чтобы на рыбалку было на чем добираться. Правда, ему уже нельзя за руль садиться, так сына просит по случаю побыть водителем. Слава Богу, детей воспитали уважительных, родителей почитают, ни в чем не чувствуют отказа от них. Вот и сейчас стоит «Москвич», дожидается старого рыбака, докатит его Анатолий до самого подъезда.

Четыре сотни лет стоит Сургут на берегу работающей Оби. Развивается и вширь и вглубь. От старого города уже почти ничего и не осталось. Лет семь назад приехали ученые с Урала и из Сибири на конфе-

рению по археологии и подивились славной истории города. Сегодня возрождаются традиции казачьей жизни, обновляется и восстанавливается связь поколений. Вот и род Кайдаловых, корнями вросший в эту землю, продолжается. И заложена в нем огромная любовь к этой земле, к своим истокам, откуда и течет бесконечная река жизни.

Г. Тимофеева

Ода простому солдату

Мало среди нас тех, кто помнит 21 июня 1941 года. Последний предвоенный вечер. Фашистская Германия, поглотившая 17 стран Европы, ждет утренней зари 22 июня. Но пока тихо, еще не грянул час войны.

Спал мирным сном и Володя Масленников в далекой северной деревне Тундрино. Простой русский парень, не подозревавший, что вскоре ему предстоит защищать родную землю, свою деревню, все, что любимо и знакомо с детства.

— До семнадцати лет, — рассказывает Коминтерн Семенович, — я был Владимиром Масленниковым. С этим именем и в школе учился. Но когда в 1942 году меня призвали в армию, то не оказалось свидетельства о рождении. По запросу воинской части Сургутский ЗАГС прислал документы на

имя Коминтерна Хохрякова. Все удивились: кто это? С ними удивился и я. Пояснила мне мать Нина Александровна: такое странное имя дал ее муж и записал на свою фамилию, так как в официальном браке они не состояли. Так я стал Коминтерном Хохряковым.

...После месячного обучения в артучилище его определили в зенитно-артиллерийский полк № 1177 в Кунцево, недалеко от дачи Сталина. И бойцы часто видели, как приезжал на дачу и уезжал в Москву Сталин. Так он охранял Москву и Сталина. В то время Хохряков был первым орудейным номером 37-миллиметровой пушки. Из Москвы их отправили под Сталинград.

Однажды во время остановки командир дал задание доставить пакет в штаб армии. Путь лежал через открытое поле, простреливаемое немцами. Пришлось бежать, падать, ползти, лежать, но задание он выполнил. Полк обосновался в нескольких километрах от Сталинграда, за большаком, находившимся на высотах. Стали окапываться. И только Хохряков отошел за лопатой, как в орудие попала мина.

Воздушной волной его отбросило в воронку, а расчет из пяти человек и лейтенант погибли. Осколки изрешетили его, особенно пострадала поясница, ноги. Контузия сказывается и сейчас, а частицы металла так и остались около позвоночника и звенят, когда проходит досмотр в аэропорту. Вытащила его медсестра и отправила в госпиталь.

После госпиталя его отправили в Пермь в училище связи, где он пробыл месяц. Открылись старые раны, и медицинская комиссия дала заключение: инвалидность третьей группы. Хохряков отправился домой на поправку. Добирался до Тундрино на пароходе через Омск, где встретил земляка Григория Мазина. На войне он потерял руку. Хохряков был так слаб, что еле двигался и только благодаря Мазину добрался до дома.

В апреле 1945 года с Хохрякова сняли инвалидность и вновь послали на фронт. Пешком добирался до Сургута по весенней распутице. Пришел на пристань и стал ждать пароход. И вдруг в конной повозке на пристань приехала военком Ворончихина и объявила, что солдаты 1923 года рождения и старше

демобилизуются. «Можете ехать домой!» — сказала она. А те, кто помоложе, отправились на фронт. Это было 7 мая 1945 года, а 9 мая рано утром по радио сообщили, что война закончилась. В этот солнечный теплый день люди целовались и плакали. Не верили счастью, что дожили до великого дня, дотянули до Победы. Как долго они мечтали о ней!

«Я долго и много болел, — вспоминает Коминтерн Семенович, — но с годами выздоровел и работал в поселках Сургутского района, куда направляли мою жену. В 1969 году осели в Сургуте. Сначала трудился на почте, а затем инкассатором Сургутского госбанка. Вырастили трех детей — надежду и опору. Сейчас двое возле нас, а дочь живет во Львове, но нас, родителей, не забывает. Не верю до сих пор: как я остался жив в этой мясорубке, как пережил гибель друзей, смог вернуться к мирной жизни, работать и даже чувствовать себя счастливым».

О многом рассказывают фотографии, памятные адреса и письма Коминтерна Семеновича. Есть несколько благодарностей, в том числе и от Президента России Б.Н. Ельцина, в которой сказано: «Я не

знаю, на каком фронте, в каком полку Вы воевали, на суше, на море или в воздухе били врага. Не знаю — были ли вы ранены. Знаю только, что Вы — ветеран, отстоявший Россию в самой страшной и жестокой войне. Вы живы, и все, что я могу сказать, — это спасибо Вам и простите нас».

Благодаря простым солдатам и верным сынам отчизны, честно исполнявшим свой долг, страна выстояла в той войне. Победили фашистов, мечтающих о параде на Красной площади. Но каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет, как говорил Марк Аврелий. На стороне России была святая правда, и она победила благодаря таким солдатам, как Хохряков.

И. Кондрякова

Две похоронки в одну семью

Старое, пропахшее пылью и пожелтевшей бумагой, давно не отремонтированное помещение. Попадая сюда, забываешь о том, что за стенами — двухтысячный год. Здесь находится архив муниципальной городской больницы. 21 год работает здесь Екатерина Маркеловна Желанова. А раньше... раньше была война.

Катечка Федулова, закончив Тобольское медицинское училище в 1940 году, отправилась на работу в глубинку Омской области. Потрудившись год, собралась в отпуск, да не успела. Двенадцать фельдшерско-акушерских пунктов закрыли, медперсонал вызвали в военкомат и мобилизовали в Омский госпиталь.

В 1942 году семь человек отправили на фронт. На станции Черемушка их обмундировали, постригли, выдали пилюльки, хлопчатобумажные брюки и гимназ*

настерки. Первое боевое крещение сестрички приняли в Подмосковье.

— Было страшно, — с ужасом в глазах вспоминает Екатерина Маркеловна, — хотелось в эту минуту маленькой букашечкой сделаться, чтобы спрятаться куда-нибудь. А куда тут спрячешься: на тебе шинель «вскатку», в рюкзаке саперная лопатка, противогаз, санитарная сумка, патроны, на плече карабин висит, и сама — как на ладони. Потом пообвыклись немного, но привыкнуть к этому нельзя, противно человеческой природе убивать и разрушать, видеть смерть. Был один случай. Из хутора Жарка за рекой Чир на станцию Соловейкино перевозили раненых в единственный неразрушенный дом. В нем окна и двери выбиты, как он уцелел — непонятно. Вот наша Катенька Нефелова, девочка-москвичка, поползла выносить солдатику с поля боя. Ее на наших глазах трассирующими пулями «перерезало», только и успела сказать: «Похороните меня здесь, сестрички...». В том сражении мало нас осталось, командир кричит: «Занять оборону!». А кому занимать? Все полегли.

Уже после войны хотелось разыскать Катиных родных, но не получилось...

О мужестве, беззаветной готовности сделать все для победы Екатерина Маркеловна может рассказывать долго.

— Проходили как-то мимо колхоза «Айдар», — продолжает она. — Людей эвакуировали, остался только председатель колхоза, чтобы поддерживать связь с партизанами, так как был он членом партии. Обнаружили его в землянке. Сколько он тут прожил, чем питался — не знаю, но только нашли его всего желтого — живой труп. Так в землянке и умер. А однажды слышим: стоны из окопов раздаются. Это на Северном Донце было. «Пошли посмотрим, кто там, может, немец, а может, наш солдат раненый», — советуемся. Глядим — фриц, мы обратно, а поле заминировано было. Нет бы идти след в след, да мой спутник чуть в сторону шагнул. Так ему ноги оторвало, хорошо на обочине наш лазарет стоял, отвезли его в госпиталь. И пока он там находился, все к нему бегали. Не умер, жив остался. А когда до Берлина-то дошли, решили на шоколадную фабрику

сходить — интересно же. Там девочки наши работали, беленькие такие, в халатах сидят, шоколад вырабатывают. Показали, как живут: четырехъярусные нары на бетонном полу. И мне так странно было: пол-то должен деревянным быть. А когда стали уезжать, так они за нами бежали: кто в одной туфле, а кто прямо босиком, забирались в машину, лишь бы домой уехать, в Россию.

За время войны люди умирали, прощались, встречались. Нашла свою судьбу и Екатерина. В немецком городке Эрфурте Катя служила старшим фельдшером бригадного лазарета. К ним прибыли больные ребята из запасного полка, среди них был Саша. По неписаным законам военного времени встречи были короткими, поэтому Саша и говорит: «Давай, Катюша, рапорт подавать и поедem домой регистрироваться».

Приехали в Россию, и в Калужской области, в сельсовете, они и сочетались законным браком. А в октябре 1946 года их демобилизовали. Отправились они на родину Кати Федуловой, а теперь Желановой, в Сургут, уже с первенцем. Дома встретили не

очень приветливо. В горздравотделе сказали, что и для своих работы нет. Она, конечно, расстроилась, но ненадолго: написала письмо в Министерство здравоохранения и Министерство вооруженных сил...

— Буквально через десять дней, — до сих пор с удивлением рассказывает Екатерина Маркеловна, — пришел ответ. Захожу домой — лежит приглашение: «Товарищ Федулова-Желанова, просим вас прийти в райздравотдел для устройства на работу». Батюшки, думаю, неужели меня зовут? Предложили мне две должности: медстатиста или в здравпункт на рыбокомбинате. Главный врач Владимир Николаевич Пантеровский говорит: «Тебя в любом отношении устроит здравпункт, тяжело тебе будет, но ничего, справишься». И вот я не много не мало, а проработала заведующей здравпунктом тридцать два года. Это потом уже, когда муж умер, я в архив ушла. Есть у меня и военные награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали — «За Одер», «За Берлин и Варшаву», но самые главные мои «медали» — это дети и внуки. Старший сын Сергей закончил мореходное училище, работал на рыбоком-

бинате, а потом в электросетях. Люда двадцать пять лет отдала медицине. Столько лет прошло, а по-прежнему не могу без слез смотреть на детских утренниках на маленьких ребятешек. Сразу вспоминаю военных детей — голодных, раздетых, ничего не понимающих, с израненной детской душой, вылезающих из ям и погребов и просящих: «Тетеньки, дайте хлеба кусочек». Моя мама две недели недожила до моего возвращения: не пережила, когда в дом две похоронки пришли — на меня и моего брата. Как так получилось, не знаю. Такая путаница и неразбериха была, что меня живую «похоронили», а брат Павел действительно погиб.

В семью пришла благодарность от Верховного Главнокомандующего Сталина за храбрость Павла Федулова, проявленную в боях на Берлинском направлении. И письмо: «Здравствуйте, тов. Федулов, отец моего друга Павла Маркеловича. Разрешите передать мой сердечный привет и пожелание вам всего хорошего и приятного в вашей жизни. Сегодня считаю своим долгом перед вами, т.е. сообщить роковое известие о гибели вашего сына Павла Марке-

ловича. Вы меня простите за длительное молчание. Поставить вас в известность, так как знал о гибели вашей дочери Катерины, и боялся окончательно расстроить вас этим горестным извещением. Но сегодня у меня собралась большая пачка ваших писем, и я решил отдать свой долг. Несколько дней тому назад я написал письмо вашей супруге Марине Кононовне, где описал все подробности героического подвига павшего смертью храбрых Павла Маркеловича».

55 лет этому подлинному документу народной трагедии. Прошли годы, но и сейчас болью отдаются в сердце бесхитростные строки солдатского треугольника.

И. Кондрякова

Жили-были старик со старухой

Так многие русские сказки начинаются. Да только не сказку я буду рассказывать, а истинную быль. А к тому же Марию Петровну (в девичестве Кондакову) и Андрея Антоновича Коробовых не назовешь стариком и старухой. Поскольку выглядят они прекрасно и юмора не убавилось, и цепкой памяти, дай Бог каждому.

А начала я так для того, чтобы читатель с первой строки проникся теплотой и уважением к этим людям, прожившим долгую и нелегкую жизнь.

Живут Коробовы хорошо и, думаю, что у них заботливые дети, да и сами, видно, умели приработать копейчку, чтобы на старости лет не кручиниться.

Пока я отогреваюсь (на улице мороз до сорока), Андрей Антонович, узнав про мои намерения, не очень приветливым голосом проворчал: «Что писать,

что писать?». Но со мной соглашается побеседовать хозяйка Мария Петровна.

— Мать у меня с Югана, — начала она негромким, приятным голосом словоохотливого человека. Кстати, потом выяснилось, что Андрей Антонович тоже родом с Югана.

...В Сургут мать Марии Петровны приехала в 1917 году. Это было смутное время, когда можно было уснуть при одной власти, а проснуться при другой. Но мать особо не боялась, так как взять с нее было нечего, была она безграмотной и работала техничкой. Когда появились ликбезы, выучилась читать и писать. Если попадала в руки первая сургутская газета «Колхозник», то по буквам с интересом читала заголовки. Каждый заголовок казался ей целым событием. «Гляди, сколько рыбы сдали!» — восклицала она, прочитав броский заголовок.

Жизнь сургутских ребятишек не баловала, но они всегда находили интересные занятия. Тогда тайна окружала Сургут со всех сторон. Черный Мыс в 30-е годы заселяли репрессированными...

— На Черном Мысу была пристань, — вспоминает хозяйка. — Нам, детишкам, одно удовольствие было мчаться туда со всех ног, когда появлялся пароход, который два раза в неделю причаливал к пристани. И вот уж праздник был! Стоим на берегу, глязем, что привезли, на народ на пароходе. Нынче это место на Оби никто не знает.

...После седьмого класса Мария Петровна поехала в Тобольское ФЗУ учиться на связиста. После окончания училища с корочками радиста ее направили в Карым Кондинского района. Проработала Маша там почти год и надеялась получить отпуск, но вместо этого ее перевели в Сатыгу, деревню того же района. Марии Петровне выделили комнатуху, где она принимала и отправляла почту, работала с рацией, а после утомительного дня спала за занавеской на узкой жесткой кровати.

Вскорости она вышла замуж и родила в 1938 году сына. Но война оборвала ее семейное счастье: мужа забрали в армию, и 17 марта 1945 года он погиб в Польше.

— Специальность радиста на войне очень была необходимой, — говорит Мария Петровна, — но меня

не взяли на фронт. Мне и в Сатыге хватало работы. На фронт ушел секретарь Совета, и меня тут же назначили на эту должность. В наш Совет входило много хлебопашных и рыболовецких совхозов. Ездила летом на лошади, а зимой на санях в командировки по поселкам и деревням. И на обласке меня возили. Погода-непогода, а едешь. Дороги через леса, болота, туманы, как дым, ничего не видать. Чуть свернешь, того и гляди попадешь в трясину. Там даже озеро есть — Туманом зовется.

...Оплавав похоронку, после долгожданной Победы Мария с семилетним сыном вернулась в Сургут и устроилась на рыбокомбинат кассиром. Но кассир — это не значит, что сидеть за уютным окошечком и шелестеть рублями да ведомостями. Война кончилась, но навалились послевоенные проблемы. Пол-России лежало в руинах, где-то от голода пухли дети. И закатывали рукава сургутяне, работали дено и ночью.

— Сейчас не так пекутся о рабочих, как тогда, — продолжает Мария Петровна. — Тогда сам директор рыбокомбината организовал и обогрев, и горячую пищу. Это было самым главным в холодные

дни — не на юге живем. На рыбокомбинате я познакомилась с будущим мужем — Андреем Антоновичем Коробовым.

...Повеселевший Андрей Антонович возвращается из кухни и тут же заявляет, что согласен рассказывать о своей жизни, только не знает, с чего начинать. За семьдесят лет многое накопилось.

В армию Андрей ушел в 1939 году, окончив Томское судомеханическое училище и успев поработать на пароходе «Карл Маркс» вторым помощником механика.

— Нас из Томска в артиллерийские войска направили, всего 129 человек, — рассказывает Андрей Антонович. — Попали мы на Дальний Восток, в Уссурийский край. Граница находилась в шести километрах. Если чужой самолет появлялся над нашей территорией, мы, согласно приказу, могли стрелять. Обстановка была напряженной, капитально «попахивало» войной.

...Но о войне думать не хотелось, и Андрей писал домой бодрые письма и с нетерпением ждал увольнения в запас. Мечтал встретить хорошую девушку,

жениться, растить детей. Но в ночь с 21 на 22 июня 1941 года красноармейцев подняла боевая тревога.

— Нам объявили, что началась война с Германией, — продолжал Андрей Коробов. — Мы, прибывшие из Томска, стояли в резерве, и часто по десять человек нас отправляли на фронт. В живых из нашего резервного подразделения остались девять, в том числе и я. За четыре года японцы много раз нарушали государственную границу, а в 1945 году, 9 августа, была объявлена война с Японией, и мы перешли наши рубежи в районе станции Пограничной. Первой пошла пехота. А наша 129-я отдельная артиллерийская зенитная дивизия, как теперь говорят, проводила зачистку уже занятой территории. На этом война для меня и закончилась. Демобилизовался я в звании ефрейтора 20 мая 1946 года.

...Бравый солдат-победитель с медалью «За победу над Японией» прежде чем ехать в родной Сургут, объехал всю сибирскую родню и только в конце июня появился в отцовском доме и тут же заявил, что вернется в Томск. Отец, всеми уважаемый в Сургуте человек, заслуженный строитель, по-мужски поговорил с сыном и заставил пересмотреть свое решение.

— Вот я и остался. Оклемался, все свое, родное — охота, рыбалка... Я женился, но прожил с молодой женой только медовый месяц. Отправили ее, неопытную, со стариком перевозить кирпич на лодке. Не спрашивали — хочешь-не хочешь. Обштормило. Шла волна-плескунец, как говорят сургутяне. Лодка перевернулась в Тетюцком истоке, и они утонули. Шуру я нашел багром, а старика так и не нашли, — Андрей Антонович говорит спокойно.

...Кто его знает, как бы сложилась его жизнь, если бы он уехал. Может быть, и не было у него такой жены и чудесных сыновей Сергея и Василия, дочери Галины, тринадцати внуков и правнуков.

На рыбокомбинате он встретил Марию Кондакову. И сразу что-то потянуло его к ней. Пережив свое горе, он остро чувствовал чужую боль: узнал, что она вдова и воспитывает мальчонку. Не особо надеясь на согласие, предложил ей руку и сердце.

— И вот живем уже пятьдесят лет! — с гордостью замечает Андрей Антонович.

**Екатерина
Маркеловна
ЖЕЛАНОВА**

**Иван
Андреевич
КАЙДАЛОВ**

**Клавдий
Васильевич
ПАНКИН**

**Андрей
Антонович
КОРОБОВ**

**Иван
Петрович
КОНДАКОВ**

**Иван
Платонович
МАЛЮГИН**

**Анфиноген
Федорович
БЕСПЕРСТОВ**

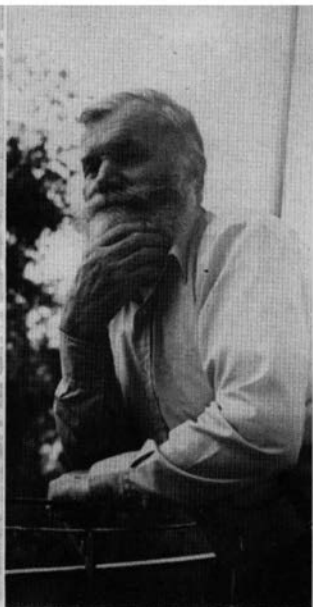

**Борис
Андреевич
ПРОВОДНИКОВ**

**Федор
Павлович
СТЕПАНОВ**

**Федор
Николаевич
ХАЙДУКОВ**

**Василий ФИЛИСТОВИЧ
и Георгий ВАРНАКОВ
до войны**

**Виталий
Яковлевич
АЛЕКСЕЕВ**

**Василий
Григорьевич
ФИЛИСТОВИЧ**

**Николай
Никифорович
БАКШЕЕВ**

**Маркс
Григорьевич
ФЕДУЛОВ**

**Коминтерн
Семенович
ХОХРЯКОВ**

**Дмитрий
Михайлович
ГАЛАХОВ**

Что и говорить. Самое большое искусство — умение создать хорошую семью. Кто вел семейное судно сквозь все подводные мели и рифы? Наверное, все же Мария Петровна. На ее долю выпали все заботы по дому, дети, работа, хозяйство, ожидание мужа из рейсов. Коробов водил тогда речные суда. Десять лет работал на исполкомовском катере — развозил продукты по району, а двадцать лет проплавал капитаном в ведомстве райпотребсоюза. Все речушки на просторах Югры изучил, как свои пять пальцев. Сам был лоцманом. Капризные северные речки часто меняли русло, и Коробов приноровлялся вовремя брать верный курс. В отпуск на юг Коробовы не ездили.

— Зачем мне разные моря-океаны, — говорит хозяин, — тут вся природа моя. Рыбалка, охота! Хорошо! Раньше все было: и стерлядь, и муксун, и осетр. Сейчас не то — все испоганено.

Что я на это могу сказать прирожденному сургутянину? Хочется попросить прощения у этих людей и сказать, что мы, приехавшие в Сургут в годы нефтябума, тоже полюбили этот край. А пример старо-

жилов, военные ветеранские судьбы помогут воспитать новое поколение сургутян, которые будут добрей и бережней относиться к этой земле.

Т. Царенко

А жизнь продолжается...

Дмитрий Михайлович Галахов — коренной сургутянин. С детства любит охоту и рыбалку.

— Рыбу ловили удочками. С полведра поймал — и достаточно, можно возвращаться домой. А когда ружье попадало в руки, да еще и утку убьешь — радости не было предела, — вспоминает Дмитрий Михайлович.

Повезло Дмитрию со школой: учился у замечательных учителей Аркадия Степановича и Анны Андреевны Знаменских, Николая Ивановича Могилова и других.

Осенью 1942 года, после девятого класса, его призвали в армию. Вначале отправили в Омск, а потом — на Дальний Восток.

Месяц Дмитрий Михайлович учился в школе младших авиаспециалистов, где готовили стрелков-радистов и полигонщиков. Он попал в полигонную службу.

Не любит вспоминать Дмитрий Михайлович о тех годах. И на вопрос: «За что же вам вручили орден Отечественной войны?» — отвечает: «Всем давали и мне дали».

Демобилизовался наш земляк в 1948 году. Приехал домой и устроился грузчиком в райсоюз. Сколько груза пришлось перенести на собственных плечах — об этом может знать только тот, кто испытал его на себе, техники не было в то время.

В 1951 году Дмитрий Михайлович женился на трактористке Евгении Николаевне Патрикеевой. В 2001 году у них будет золотая свадьба. В труде они не уступали друг другу. Почетные грамоты за высокие производственные показатели и активное участие в общественной жизни обоих супругов лежат в папке, там же находятся и медали «Ветеран труда», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Супруги Галаховы воспитали четырех дочерей. Дочь Татьяна Евсеенкова стала певицей. У дочерей уже свои семьи.

Не может без дела сидеть Дмитрий Михайлович: после выхода на пенсию еще десять лет он работал в ДОСААФе «ночным директором». Многие вещи в доме сделаны его руками.

Сейчас свободное время Дмитрий Михайлович в основном проводит на даче, где домик и баню сделал сам, сам и посадками на огороде занимается.

Жизнь продолжается, уже подрастают внуки.

3. Долгушева

Четыре дня в пекле войны

Федор Николаевич Хайдуков родился 23 апреля 1913 года в деревне Тюляшев Бор Викуловского района Тюменской области. В семье Хайдуковых было одиннадцать детей, и все — парни.

— Нам, детям, некогда было заниматься баловством, да и родители не разрешали, даже в школу не пускали — надо было работать дома по хозяйству, — вспоминает Федор Николаевич. — Делали все и даже куделю пряли.

1930-й год, страшная страница истории нашей страны, не обошел стороной и семью Хайдуковых. В числе других семью сослали в Сургутский район. «Что это было? — размышляет Федор Николаевич. — Власти переусердствовали? А может быть, нужны были трудолюбивые, хозяйственные люди для заселения огромной территории севера Сибири? Мы ис-

пытывали нужду, строгую изоляцию от местного населения и жестокий комендантский надзор».

Чтобы что-то посадить и посеять, необходимо было вырубить лес, раскорчевать, распахать землю, а затем уже удобрять ее. Все делали вручную — крестьянин-труженик всегда и везде остается тружеником. Переселенцы в короткий срок построили поселки, обзавелись крепкими хозяйствами, хлебными полями и огородами.

Братья Хайдуковы много помогали родителям. Федор и рыбачил, и тес пилил, и бондарем был.

В армию его призвали 25 мая 1942 года из Покура. В Омске в «чертовой яме», как называли солдаты военный лагерь, закончил краткосрочные курсы, и в составе 56-го стрелкового полка был направлен на Волховский фронт — и сразу в бой.

30 августа 1942 года, на четвертый день после прибытия на фронт, Федор Николаевич был ранен, как отмечено в справке из госпиталя: «разрывной пулей в правую голень с повреждением кости».

И поехал Федор по госпиталям. В госпитале на станции Свеча Кировской области ему ампутирова-

ли ногу. До сих пор переживает он о том, что ему ее не сохранили.

После госпиталя его комиссовали по инвалидности и отправили домой. Работать ему разрешали два месяца в году. Но физически работать он не мог, а для другой работы образования не хватало.

В 1945 году Федор Николаевич женился на колхозной трактористке Парасковье Петровне, позже она перешла на должность кладовщика, умерла в 1999 году.

Живет Федор Николаевич с дочерью Екатериной и внуком Александром, «который строительством занимается». Второй внук, Владимир, тоже живет в Сургуте.

А из одиннадцати братьев в живых остался только Федор.

У рядового Хайдукова есть и медали, да не радуют они: здоровья нет, плохо слышит, из дома не выходит, так как трудно ходить на протезе.

3. Долгушева

Не забыть эти годы...

Стихотворение фронтовика Зиновия Трофимовича Скутина было напечатано в газете:

...А сорок третий год встречали
В теплушках поезда, в пути.
Куда везут нас, мы не знали,
Не все равно ль куда идти!

Мы вышли ночью из вагонов,
Под Ленинградом у болот.
И сразу много дней в походах —
Такой вот вышел поворот!

В тисках голодных и страданий
Жил город в огненном кольце.
Приказ нам быстро прочитали,
Мы по траншеям разошлись.

Мы клятву городу сдержали,
В боях отважно все дрались.
И вот победы дни настали,
Блокады прорвано кольцо...

В армию Зиновия Трофимовича призвали в марте 1942 года из деревни Фатеево Дубровинского (теперь Вагайского) района. С обозом добрался до Ишима, а оттуда — в военные лагеря, что находились под Омском, где закончил курсы связистов.

Скутина зачислили в роту связи 1255-го стрелкового Сибирского полка, хорошо обмундировали, вплоть до котелков, и в составе подразделения направили на фронт.

Его дивизия оказалась на Волховском фронте, на Ладоге. Запомнилось солдату обращение к бойцам Ленинградского фронта, подписанное руководителями Ждановым, Кузнецовым, Попковым, с призывом поскорей освободить Ленинград и Ленинградскую область.

В середине января 1943 года началась артподготовка. Гул орудий заглушал живую речь. Долго гремели орудия, потом в наступление пошли танки.

Перед связистом Скутиным поставили задачу: устранить разрыв провода на линии между полком и батальоном. Враг непрерывно обстреливал боевые порядки. Разрывы снарядов кромсали линию связи. Скутин трижды приводил провода в порядок, а последний разрыв был особенно сложным: взрывная волна далеко разбросала концы проводов. Схватив один обрыв, Зиновий включился в сеть, доложил обстановку и продолжал искать второй конец провода. Нашел и крепко держал изуродованные провода в руках, но соединить не успел : рядом взметнулся столб огня и дыма.

Связист потерял сознание. Временами он проваливался в бездонную темноту, но боль в висках и ногах возвращала ему сознание.

Зиновий Трофимович вспоминает: «Мне нечем было дышать. Веки слипались, на меня навалилась дремота...».

Потом он очнулся в операционной фронтового госпиталя, где ему ампутировали левую стопу. Затем были долгие дни и ночи в госпиталях Тихвина, Вологды, Ирбита. Его мучили душевные и физические боли.

В августе 1943 года рядовой Зиновий Скутин услышал окончательный приговор: перевести на инвалидность. Но он не покорился своей горькой участи, не стал иждивенцем. Ведь ему было всего 22 года.

Родился он 12 ноября 1921 года в деревне Колега Еткульского района Челябинской области в семье крестьянина, где, кроме него, было еще трое детей: брат и две сестры.

В 1930 году семью выслали в Сургутский район. Скутин закончил Сытоминскую семилетнюю школу и в 1936 году поступил в Тобольское педучилище. После окончания училища в 1939 году его распределили в Фатеевскую школу Дубровинского района учителем математики и физики.

Недолго продолжалась его трудовая деятельность — грянула война.

После демобилизации, в августе 1943 года, Омский облотдел народного образования направил З.Т. Скутина в распоряжение Сургутского района. Поздним летом 1943 года в краю прозрачных озер, надоедливо-го комариного звона, в селе Локосово, появился но-

вый учитель. Люди, увидев боевые награды, сразу поняли — фронтовик. Самые дотошные насчитали 12 медалей и два ордена Отечественной войны I и II степени. И хотя он был на костылях, сельские мальчишки ходили за ним по пятам, узнав, что это новый преподаватель.

Скутин сразу пришелся по душе сельчанам. Особенно его питомцам.

И хотя в классе часто было холодно, а в темную зимнюю пору давала свет единственная керосиновая лампа, это не мешало учебным делам. После занятий шли на заготовку дров для школы и больницы. На субботниках и воскресниках ловили рыбу, все шло в фонд Красной Армии.

Комсомольцы села избрали Скутина своим вожаком.

Проработал Зиновий Трофимович в Локосовской школе 34 года — до самой пенсии. Сначала был учителем, потом завучем, а с 1950 года по 1977 — директором школы. Заочно закончил Тобольский учительский институт, здесь же, в Локосово, получил почетный знак «Отличник народного образования».

Как жилось в селе в те послевоенные годы? Все трудились на чистом энтузиазме и не ради денег и наград, а потому, что иначе жить не могли.

Сельский клуб был тогда единственным местом для отдыха и развлечений. В этом очаге культуры, как говорили тогда, проводили вечера, устраивали праздничные концерты и даже ставили самодеятельные спектакли по пьесам известных драматургов: «Без вины виноватые», «Свои люди — сочтемся» А.Н. Островского. Все село приходило смотреть игру доморощенных артистов. Режиссером этих постановок был З.Т. Скутин, он же исполнял и главные роли.

Вот что вспомнилось ветерану: «В мыслях моя далекая юность всегда со мной. Работали ради великой победы. Сеяли и убирали зерновые, сажали картофель, капусту. И почти все отправляли на фронт, в освободившиеся от фашистского ига районы. Организация и агитационная работа среди населения были почетным долгом нашей молодежи».

Когда отгремели по всей стране салюты Победы, сургутское село Локосово всколыхнула радостная но-

вость: в адрес администрации школы и секретаря комсомольской организации пришла телеграмма: «...Прошу передать учащимся Нагорновской неполной средней школы (Локосово состояло в те поры из двух частей — Нагорное и само Локосово), собравшим 3311 рублей деньгами и 16 тысяч рублей облигациями госзайма на строительство авиаэскадрильи «Тюменский осоавиахимовец», благодарность Красной Армии и мои пожелания здоровья и успехов в учебе и общественной работе. И. Сталин».

Многие годы творил свое доброе дело Зиновий Трофимович — хорошо учил и воспитывал детей. Надо иметь особый дар, неиссякаемые знания и умение, чтобы 27 лет оставаться бессменным директором школы, активно занимаясь общественной работой.

Двадцать четыре года подряд односельчане избирали его депутатом сельского Совета, двадцать лет он отдал хлопотам на посту заместителя председателя Локосовского Совета.

Удалась и семейная жизнь фронтовика. С женой Еленой Александровной воспитали замечательных дочерей: Ларису, Веру и Нину. Подросли внучата:

Марина, Катя, Илюша, Наташа и Юля. Есть и правнуки: Никита, Саша и Полина.

Трудная и прекрасная жизнь досталась замечательному человеку, фронтовику Зиновию Трофимовичу Скутину. Через его судьбу, разум и сердце прошли все главные события нашей страны в XX веке. Это и про него написала поэтесса Людмила Тятянничева:

Помнить всех мы должны,
Кто имеет права
На святые слова:
Он — участник войны.

Вглядываясь в дымку тревожных и яростных лет,
Скутин и сам берет в руки перо и пишет.
Приводим одно из его стихотворений.

Эти годы не забыть
Недалеко от столицы нашей
На Волге город Ржев стоит.
Там первый бой — он самый страшный —
Навечно в памяти гремит.

Кругом рвались снаряды, мины,
Ужасный грохот нарастал.
Нас было двое в той ложбине,
И друг мой раненый стонал.

Сержант Сорванский, наш любимец,
Мечтал, когда возьмут лиман.
Там в оккупации томились
Его жена и сын Иван.

Не состоялась эта встреча,
Ее не будет никогда...
И не увидит больше мужа
Его несчастная вдова...

Мы сорок третий год встречали
В теплушках поезда, в пути.
Куда везут нас, мы не знали!
Но знали, как нам в бой войти...

Потом тяжелое раненье,
Врачи и сестры, дни мучений,

Но все закончилось давно...
И получил я назначение
Пойти учителем в село...
Вы, дорогие ветераны,

Давайте вспомним те года.
Пусть не болят на теле раны.
Пусть будет прочный мир всегда!
Пусть наши женщины родные

Забудут трудности войны,
Те дни и ночи трудовые
И похоронки той поры.
Мы низко головы склоняем...

Светлая память всем павшим
И вечная слава живым!

З. Долгушева

Путь-дорога далека...

Анфиноген Федорович Бесперстов родился в Сургуте 16 января 1924 года. На его долю выпало трудное детство. Мальчик не знал материнского тепла и ласки: мать умерла, когда ему было пять месяцев. Анфиноген закончил начальное образование, а вручали его «золотые руки».

Анфиноген Федорович работал в райпромкомбинате бондарем. Бондарь — это мастер или специалист по изготовлению бочек. Спроси Бесперстова, сколько он их сделал, и не ответит сразу. Скорей всего, счет будет на тысячи.

В первые годы войны он получил бронь (официальное удостоверение, которое давало право на отсрочку от призыва в действующую армию), поскольку его мастерство было необходимым: без бочек невозможно было отправлять рыбу. Бесперстову не суждено было

стать героем, не занимал он высоких постов, а был человеком-тружеником и отдавал всего себя работе. Он не покидал мастерскую по 12—16 часов. И как мог, приближал день Победы над фашизмом.

В армию А.Ф. Бесперстова призвали в мае 1943 года. Находился в 130-м запасном полку связи с июля по декабрь 1943 года и... тоже работал бондарем, проходя одновременно курс молодого бойца. На фронт попал во вторую гвардейскую механизированную бригаду наводчиком станкового пулемета в декабре 1943 года.

Дорога на фронте не бывает легкой. В зависимости от обстановки меняются пути воинских частей, их перебрасывают с одного участка на другой. С боями двигалась и вторая гвардейская механизированная бригада.

Сейчас ветерану трудно назвать те места, которые освобождало его подразделение. Правда, хорошо помнит бой на территории Румынии, где 31 января 1945 года был ранен в левую ногу, потерял много крови, а очнулся уже в госпитале.

За мужество сибиряк был представлен к ордену Отечественной войны II степени. Но вручили орден

бывшему солдату в мирное время. Кроме ордена, на груди ветерана поблескивают и медали.

Врачи госпиталя, в котором находился Бесперстов около года, вынесли заключение: перевести на инвалидность.

У Анфиногена Федоровича две дочери — Лида и Галя, и сыновья Виктор и Володя. Они живут в Сургуте, обзавелись семьями, подарив отцу внуков, а те и правнуков. Радоваться бы жизни, да болят старые раны, и возраст дает о себе знать.

Он сделал все. Он тих и скромен.

Он мир от черной смерти спас.

И мир прекрасен и огромен

Его приветствует сейчас.

Это и про Анфиногена Федоровича сказал замечательный поэт и фронтовик Михаил Дудин.

З. Долгушева

Их называли сибирскими «волками»

Василий Григорьевич Филистович рос в простой сибирской семье. Учился мало, больше работал. Во всем слушался мать, работавшую пекарем, и отца-строителя. Терпеливо переносил и голод, и холод.

Жила семья Филистовичей в 30-е годы в поселке Пим (ныне Лянтор). А когда неожиданно-негаданно в 37-м году арестовали отца и отправили за Урал, жизнь вообще стала невозможной. Доедали последние крохи, пухли от голода.

В 1938 году мать с двумя детьми перебралась в Тундрино. Понимая, что ей нужна помощь, Василий, недолго думая, нашел в старом сундуке свои поповские метрики и исправил в дате рождения цифру «5» на «4» — получился 1924 год рождения. Так он стал старше на год и устроился лесником.

Очень любил природу, сотни верст намотал по тайге, мог ориентироваться в лесу, как говорится, на ощупь, с закрытыми глазами. И скоро, в 1941 году, было востребовано его природное чутье пространства и времени. Его учетно-лесное хозяйство (учлесхоз) получило правительственное задание на срочную заготовку леса для изготовления прикладов к винтовкам и автоматам. Василий лучше других знал, где и какие растут леса, и показывал заготовителям прекрасные березовые деланки. Ведь только красавица белая береза, воспетая поэтами как символ добра и любви, годилась для производства оружия.

Довелось Василию, секретарю территориальной комсомольской организации, порыбачить за сто верст от дома и участвовать в сборе теплых вещей и денег для фронта, для победы. А 15 августа 1942 года 18-летнего безусого юнца, согласно документам, призывали в армию. После обучения в Омской полковой школе на курсах стрелков-пехотинцев красноармеец Василий Филистович был отправлен в Калачинск, где формировалась 30-я отдельная Сибирская лыж-

ная бригада. 1200 человек вышли на старт 20-километрового лыжного кросса с полной выкладкой. Василий пришел к финишу во второй десятке и был зачислен в состав 2-го лыжного батальона. Первое, не по годам трудное испытание он выдержал с честью. Очень обрадовался неожиданной встрече с земляками: сургутянином Анатолием Нецветаемым и Григорием Рябковым из Ханты-Мансийска. Они попросились служить вместе в одну роту с Нецветаемым, который стал разведчиком, а Василий — связным.

В ноябре 1942 года приняли присягу и спустя месяц необстрелянных юнцов, экипированных автоматами, финскими ножами, маскхалатами и лыжами, отправили на фронт. Патроны и гранаты получили в неограниченном количестве. «Значит, воюем на славу», — решили бойцы.

Эшелон доставил полк на станцию Москва-Узловая, а дальше — на лыжах к линии фронта и в тыл врага. Шли долго и тяжело. Днем маскировались в снегу от немецких самолетов-разведчиков, а ночью продвигались вперед, к партизанам в брянские леса.

На 10-е сутки, уставшие и обессиленные, вышли к заброшенному партизанскому лагерю, где наконец-то остановились на привал, отогрелись в землянках, помылись в бане. А через два дня появились партизаны и привезли продукты.

В 30-ти километрах от лагеря, в селе Малый Зотик, располагался штаб дивизии СС: около 300 солдат, минометы, военная техника. Накануне Нового года, 31 декабря, командование батальона, проводя тщательную разведку, решило нанести удар по противнику и уничтожить его.

Около десяти часов вечера фашисты усилили посты и стали отмечать праздник. Вскоре послышалась музыка и песни. А в три часа наши разведчики без лишнего шума сняли часовых, подожгли технику и забросали дома, занятые немцами, гранатами. Новогодний салют удался на славу. В бою погибли около 150 фашистов, у наших пятнадцать солдат были ранены, и один погиб.

Эта операция стала боевым крещением для батальона, а победа окрылила сибиряков. Молодости и отваги им было не занимать. Самому старшему, ком-

бату Анатолию Бирюкову, исполнилось 23 года. Крепко давали прикурить фашистам. Истребляли беспощадно, мстили за горькие слезы родных и близких, за сожженные города и села. И вскоре по окрестным деревням пошли слухи о страшных «сибирских волках», которые бродят в глухих брянских лесах, в тылу у немцев. «Не боитесь ли вы их?» — спрашивали напуганные войной люди у советских бойцов, пуская их на ночлег. «Так это мы и есть», — с гордостью отвечали те и обещали уничтожить гитлеровцев до последнего. И уничтожали. Благодаря хорошей разведке, связям с местным населением и вере в победу.

В конце января стало известно о готовящемся наступлении немцев на партизан. Силы были неравными. Партизанские отряды стали спешно менять места дислокации, отправили в глубь лесов госпиталь, стариков, женщин и детей.

Немецкое наступление было запланировано на 11 февраля 1942 года, но в ночь на 10-е по ним нанесли мощный удар наши регулярные части. В этом бою погибли земляк нашего героя Александр Перунков

из Ханты-Мансийска и комиссар батальона Петр Скворцов.

Приближалась линия фронта. Уже была слышна артиллерийская канонада. Фашисты отступали. 5 марта завязался страшный бой за станцию Середина Буда (сейчас этот город на территории Сумской области Украины). Он длился около часа. Батальон, в котором воевал Василий Филистович, взял в плен много немцев, трофеев, техники. И в тот день Василию исполнилось 18 законных лет.

После двухдневного отдыха снова на передовую. Готовилось наступление на хутор Журавка. В разгар боя двое связных не вернулись с задания, и комбат потцовски спросил у оставшихся в живых, но измотанных подчиненных: «Кто добровольно пойдет на задание?». «Я схожу, — вырвалось у Василия. — Мимо хутора, где погибли ребята, пробежал, дорогу знаю». «С богом, сынок», — только и произнес командир.

И бог, оказалось, оберегал Василия от вражеских пуль. Он благополучно доставил пакет в роту, но на обратном пути, когда оставалось всего с километр, почувствовал сильный удар и, выронив автомат, упал.

Через какое-то мгновение очнулся и, преодолевая жгучую боль в левой руке, собрав последние силы, добрался до лагеря. Ранение было тяжелым и опасным для жизни. Василия отправили в госпиталь в Елец.

В том же бою был ранен в голову его друг-разведчик Анатолий Нецветаев, с которым они часто вспоминали родные места. Самолетом его отправили в тыл. Так и потеряли они друг друга. Но если Василий знал, что Анатолий живой, то Анатолий считал Василия погибшим. Так ему сообщили на одном из пересыльных пунктов после выписки из госпиталя в Новосибирске.

После елецкого госпиталя Василия Филистовича отправили в Москву. 25 июля 1943 года его комиссовали, дали вторую группу инвалидности, и парень вернулся на родину.

А на берегу Оби в день возвращения солдата стояла с опухшим от слез лицом мать. Весь год она встречала и провожала пароходы, расспрашивая раненых о сыне. И вот он вернулся. Счастье-то какое! Будет хоть в доме мужик.

Отдыхать пришлось недолго. Заместитель заведующего райфо Вера Васильевна Кугаевская предложи-

ла Василию работу налогового инспектора. Он согласился, хотя знал — дело ответственное и хлопотное. Бывало по три недели проводил в командировке с напарником, проплывая 150 километров на лодке. А сколько в обласе пришлось провести, обслуживая семь населенных пунктов Тундринского района! Собирали за рейс по 10 тысяч рублей, а это была немалая сумма.

Как раз в те годы и отыскал Василия Григорьевича старый фронтовой друг Анатолий Нецветаев. Он не ожидал встретить его живым и был удивлен неожиданной встрече. Они по-фронтовому крепко обнялись, посидели, выпили за погибших товарищей. И потом часто встречались...

В 1946 году Василий Григорьевич устроился на работу продавцом рыбоучастка «Тундринский», а в 1949 году с семьей переехал в Сургут и стал фотографом. Новому делу Филистович отдал 40 лет. И всегда считался первым фотомастером района.

Его первая жена умерла, оставив Филистовичу заботы о четырех детях. В 1979 году он снова женился на славной Евгении Георгиевне, участнице

трудового фронта. Теперь в семье семеро детей, 13 внуков и один правнук. Ветераны-родители держатся молодцом, помогают сыну на ферме в Сайгатино. В основном советом. Люди они заметные и общительные. Все, кто приходит в гости, обязательно листают страницы семейного архива. Память о семье, о боевом прошлом — священна.

В. Заенчковский

Самая дорогая награда — жизнь...

В последнее время ветеран Великой Отечественной войны Федор Павлович Степанов часто болеет. Годы дают о себе знать — восьмой десяток пошел — да старые фронтовые раны. Но он не поддается недугам, нянчит внучат, хозяйничает по дому.

Он любит посидеть на стареньком диване в своей квартире. Его грустные глаза, изрезанное морщинами лицо выдают боль и память суровой эпохи. Бог наградил Степанова четкой и ясной памятью. Он с легкостью повествует, тщательно взвешивая каждое слово, о своей длинной и трудной жизни и без запинки называет фамилии пятидесятилетней давности.

Родился и вырос Федор Павлович в Сургуте на улице Республики в многодетной семье. Мать его всю жизнь была домохозяйкой, отец занимался

рыбной ловлей. Умер он в 1931 году, когда Феде было 15 лет.

Из пяти Фединых братьев остались в живых только двое. Довоенный голод и война погубили молодые жизни.

В 1942 году, получив шестилетнее школьное образование, Ф.П. Степанов пошел в армию. Провожали своих солдат односельчане с гармонью, плясками и слезами. Из Сургута в Омск, куда были направлены призывники, их везли почти неделю в битком набитом пароходе, выделив на дорогу скудный паек.

— Мало чего хорошего мы повидали в жизни в то время, — тяжело вздыхает Федор Павлович. — Лишения да страдания. Но мы, молодые ребята, воспитанные на идеалах социализма, были готовы защищать свою Родину до последней капли крови.

В Омске Степанов закончил артиллерийские курсы, потом был отправлен в Москву. Зачем и для чего — не знал. Здесь ему запомнилось светящееся от взрывов разрывавшихся снарядов небо и стаи повис-

ших в воздухе дирижаблей — противовоздушная оборона столицы.

В августе 1942 года артиллерийский разведчик младший сержант Степанов прибыл в составе 88-го отдельного дивизиона, резерва Главного командования, на Волховский фронт — в самое пекло войны. На вооружении дивизиона, состоящего из четырех батарей, было шестнадцать 307-миллиметровых пушек и 16 спаренных крупнокалиберных пулеметов, установленных на орудийные лафеты.

Первое боевое крещение Федор Степанов получил в бою за Синявинские высоты. Был он трудным и кровавым. Из взвода, а это 18 человек, в живых остались только трое.

Но больше всего запомнился такой эпизод. В 1944 году советские войска перешли в контрнаступление, отбросив противника под Псков. Батарея, в которой служил Степанов, стояла в чистом поле. Немецкие самолеты, обнаружив позицию, начали беспрерывно бомбить артиллеристов. Густая облачность и клубы пыли мешали зенитчикам поражать цели.

На второй день погода изменилась. Немецкая эскадрилья начала заходить с другой стороны, что сразу же по звуку первым определил артиллерийский разведчик Степанов. Он мгновенно сориентировался в обстановке и объявил тревогу на батарее, уже подготовившейся к маршу. Бойцы снова заняли огневые позиции и вступили в неравный бой с врагом.

Среди дыма, огня и пыли трудно было определить, кто держал верх в этой жестокой схватке. Да и вряд ли в те минуты кто-то думал об этом. Степанов в критические минуты занял место убитого наводчика и подбил несколько самолетов. Сколько точно — он не знает, как не знали и того, кто сбил самолет немецкого летчика, выбросившегося с парашютом и подарившего другу Степанова Василию Иванову свой именной кортик. «Я восхищен смелостью и отвагой русских солдат», — сказал на прощание пленный.

В этом бою Степанов получил три серьезных ранения и был отправлен в медсанбат. Пять километров его несли на шинели однополчане.

Ветеран рассказал о том, что дивизион сбил 50 вражеских самолетов, из них не менее семи — на его счету, за что он был представлен к награде.

С горечью рассказал ветеран о бездарности нашего командования во время проведения одной из войсковых операций, когда батарея выходила из окружения; о том, как в 1942 году немецкие «мессеры» гонялись за нашими Пе-2 и жгли их; о том, что видел многочисленные колонны пленных власовцев в английской военной форме, как ел мягкий, словно вынутый из горячей печи хлеб из немецкого пайка, хранившегося в специальной колбе...

На Волховском фронте Степанов воевал до окончания войны — 730 дней и ночей. Два года спал на земле в обмундировании, казалось, навсегда забыв о нормальной постели. Одно было хорошо: кормили на фронте всегда досыта и через каждые десять дней выдавали новое нательное белье. Зимой согревали валенки и шапка-ушанка.

С двумя осколками в теле Федор Павлович вернулся в родной Сургут к матери. Первый год она

отхаживала его от болезней, а потом, будучи инвалидом второй группы, он устроился на почту завхозом. Долгое время трудился печатником в местной типографии «Колхозник», диспетчером в райпотребсоюзе и «Сургутнефтегазе». На последнем месте работы ему выделили благоустроенную квартиру.

В 80-е годы Федор Павлович случайно встретил в Сургуте своего фронтового командира отделения разведки Михаила Ломатина. Он первым узнал его, и радости не было предела. В то время Ломатин работал председателем Тобольского горисполкома. А еще раньше, в 1961 году, на пристани Нижневартовска он встретился с бывшим командиром расчета. Федор Павлович готов и сейчас встать на колени перед фронтовым хирургом, майором медицинской службы Еленой Иосифовной Венгерской, уберегшей его от ампутации ноги.

В семейном архиве ветерана сохранилась редкая фотография, на которой видно, как проходила уникальная операция.

За свою нелегкую жизнь Федор Павлович вырастил дочь и сына, имеет внука и трех взрослых вну-

чек. «А вот дерево не посадил и не вырастил», — жалеет Степанов.

Дороги фронтовику и его награды: орден Великой Отечественной войны I степени и медаль «За боевые заслуги». «Но самая дорогая награда за войну, — говорит фронтовик, — это сохраненная мне жизнь».

В. Заенчковский

Человек... в маске войны

Из семьи трудоссылных

С ветераном Великой Отечественной войны, инвалидом второй группы Георгием Матвеевичем Варнаковым, как это ни печально, судьба сыграла злую шутку. Но не пал духом, выстоял русский человек...

С раннего детства Георгий испытал страдания. Его родители, зажиточные крестьяне, на своем подворье держали много скота и в 30-е годы попали под сталинские репрессии, были сосланы в Сибирь, на территорию Тундринского сельсовета Сургутского района. С небольшой группой несчастных, с нехитрыми пожитками, его семью под конвоем доставили на барже на остров среди глухой тайги, бросив на берегу топоры, пилы, скудные запасы муки, крупы, соли: живи себе человече, «исправ-

ляйся», в трудах праведных ищи успокоение своей душе, выживай, терзайся от безысходности, и никто тебе уже не поможет. Ты заклеямен государственным режимом, ты человек третьего сорта, враг народа. Обратной дороги нет.

И люди стали бороться за жизнь. Первым делом объединились в своеобразные бригады по несколько семей и начали строить дома. Потихоньку каждый ссыльный обрел крышу над головой. Появились школа, клуб. Поселок называли Озерный. Проживало в нем поначалу около ста семей. Население занималось заготовкой леса, охотой и рыбной ловлей. За выполнением плана строго следила комендатура, располагавшаяся на Верхнем Мысу. Без ее разрешения нельзя было даже из села выезжать. Так здесь люди рождались, жили и умирали. До самого окончания войны.

Из «плена» в бой

В мае 1942 года Георгий Варнаков был призван в армию. К тому времени парень закончил семь классов Высокомысовской школы, успел поработать охотником и рыбаком.

Мать — в слезы: и здесь нашли. Мало того, что семье жизнь испортили, отняли здоровье, теперь и детям идти на войну. Ох, горе, ты, горе...

Сборы были недолгими. Отыскали старенький, пропахший сыростью отцовский рюкзак, в который положили немного хлеба, шматок сала, вяленой рыбешки, и за скромным застольем попросили сына беречь себя и вернуться живым.

30 мая Георгий Варнаков на пароходе «Жан Жорес» отправился в Омск. Плыли восемь суток. Потом отправка таких же, как он, молодых ребят в Ленинокузнецк в военно-пулеметное училище. После двухмесячного обучения рядовой Варнаков прибыл в Томск, где при военторге работал рыбаком. Армия нуждалась в продуктах питания. И к заготовке рыбы в те суровые годы привлекали людей, хорошо владеющих этим древним ремеслом.

В 1945 году после месячной доподготовки автоматчик-рядовой Варнаков был направлен на фронт, в Чехословакию. Службу проходил в составе 128-го Тернопольского полка во втором батальоне пятой роты. Участвовал в кровопролитных боях.

А на подступах к Тарпау у речки Тарпавки Георгий Матвеевич был тяжело ранен немецким снайпером, но остался жив, о чем позже горько сожалел в минуты душевной слабости — раны сильно повредили лицо. Попал в госпиталь в Кнурове ничего не видящим и не слышащим. Очнулся в кромешной темноте, ощутил адскую боль и опять потерял сознание.

Потом военный госпиталь в Польше, в Глявице. Здесь перевязанный бинтами Варнаков ощущал присутствие людей по голосам, по исходящему от них теплу, по запаху лекарств от халатов врачей. Боль и страх за жизнь сковывали все тело, горло душили слезы, обжигали левый вытекший глаз.

Мучительно и тягостно текло время для тяжело раненного солдата. И только когда сняли повязку, которая полтора месяца черной стеной заслоняла окружающий мир, он смог увидеть одним глазом белый свет. Врачи долго не давали в руки зеркало, а он и не настаивал на этом, боясь своего отражения...

После длительного лечения в Тбилиси и первой пластической операции он почувствовал облегчение, пришло осознание того, что еще живой, что еще кому-то нужен, если люди борются за его жизнь.

Бери шинель, пошли домой...

Домой в Озерный Георгий Матвеевич добирался с тревогой за свою судьбу и с мыслью о потерянной для него жизни. Ну кому он теперь нужен с обезображенным лицом, как можно появиться на глаза родителей, односельчан? Вдруг не признают, отвернутся от инвалида.

Но он заблуждался, зря прятал свое лицо от людей, пробираясь задними дворами к себе домой. Повезло, что в пути встретил односельчанина Михаила Молохова, который выслушал его, понял, поддержал мужским советом и добрым словом.

Когда Георгий издалека увидел жену брата, то спрятался за угол сарая. Но женщину не проведешь, у нее меткий глаз, она сразу все поняла и, забыв второй сапог, побежала к родному человеку. Ничего не сказала, со слезами повисла у него на шее. Тепло

встретили сына и родители. Так началась для Георгия мирная жизнь.

Но тоска иногда накатывала на сердце, и тут выручала гармонь. Бывало, сядет он на пороге дома, растянет меха, и разливаются по поселку щемящие душу грустные мелодии. Один он был гармонист на весь остров, что и спасло парня от одиночества. Его стали приглашать сыграть на танцах. Но он отказывался, стесняясь своего лица. Но потом все-таки сдался — очень уж ласково упрасивали его девчата. А на одном из праздников в соседнем селе Половинке, куда переехала жить семья Варнаковых, он познакомился со своей будущей женой.

Работал Георгий Матвеевич и рыбаком, и охотником, и бакенщиком, и счетоводом. А в 50-м году вместе с родителями, женой и дочерью переехал в Сургут. Здесь он трудился сторожем на нефтебазе 28 лет. В 70-е годы получил двухкомнатную благоустроенную квартиру, воспитал и выучил сына. Жива-здорова его супруга Татьяна Васильевна, искренне дарящая мужу ласку и тепло. Низкий ей поклон!

Как и прежде, Георгий Матвеевич редко появляется

на людях, все больше сидит дома или работает на даче. В разные годы он перенес шестнадцать сложнейших пластических операций, так и не стерших с его лица ужасную маску войны. Не удалось восстановить опытным хирургам даже нос — ни с руки, ни с живота ткани не прижились. Но красив он своей душой и поступками.

Ордена Отечественной войны I и II степени украшают грудь ветерана и напоминают о суровых уроках минувшей войны.

В. Заенчковский

В атаку под шрапнелью

...Рядовой Иван Малюгин очнулся, как ему показалось, в сырой могиле. «Где я, что произошло?» — мелькнула страшная мысль. И опять потеря памяти.

Откопал его, раненного и контуженного, сержант Паршин. Благо, вовремя успел заметить торчащий наружу сапог своего товарища.

Нетерпеливо ожидая медпомощи и пересиливая боль, многое вспомнил солдат.

Вот его родная деревня Покур, куда его привезли десятилетним ребенком родители. Вокруг бескрайняя тайга и синие озера. Они с отцом чуть свет сворачивают в сарае еще непросохшие снасти и идут по прохладной утренней росе к лодке. Тяжелые сети обрывают руки, но Иван, стиснув зубы, молча бредет за широкой отцовской спиной. Как он хочет побыстрее вырасти и стать таким же сильным и бывалым человеком.

А вот ему уже шестнадцать лет. Отец рыбачит далеко от дома, в деревне Орехово на реке Колуеган. Старший брат Григорий учится в ФЗУ. Мама управляет по хозяйству. Старший по лову Андрей Десятов, присмотревшись к хваткому и шустрому в работе Ивану, поручает ему самостоятельно рыбачить. Радости нет предела.

В 1942 году семья Малюгиных переезжает в деревню Аган к новому месту работы отца на строительство рыбоучастка. Теперь Иван на озере Юмлор. Здесь-то в 1943 году и нашла его повестка в армию. А доставил ее за 200 километров по реке председатель сельсовета, сопровождавший призывника обратно в деревню.

На пороге его встретила заплаканная мать, старший брат без руки — в этот день он вернулся с фронта домой.

После окончания в 1943 году учебного подразделения, готовившего связистов, рядового Малюгина направили для дальнейшего прохождения службы в первый разведвзвод восьмой роты девятой механизированной бригады третьего корпуса. Сражался под Курском. Ходил в разведку, попадал под обстрел,

учился воевать. Поначалу от страха, вместо того чтобы падать во время обстрела, прижимался к ближайшему дереву.

В 1944 году Иван Платонович освобождал Смоленск, Витебск, ходил в атаку под шрапнелью, форсировал Березину. Войска наступали стремительно, и вот уже освобождена столица Литвы город Вильнюс.

Особенно тяжелым был бой за город Шауляй. Здесь фашисты применили против наших частей мощные танки — «тигры», а пехоте, в составе которой воевал Малюгин, было приказано: «Ни шагу назад!». От верной гибели спасли бойцов «Катюши», при помощи которых и опрокинули фашистов. Именно в этом бою Ивана Платоновича ранило и присыпало землей.

Солдата отправили в тыл, в армейский госпиталь Двинска (ныне Черняховск), сделали операцию. Никогда не забудет он исстрадавшиеся, осунувшиеся, грязные лица тяжело раненных бойцов и просьбу одного из них, оставшегося без ног, пристрелить и положить конец его нестерпимым мукам. Затем Малю-

гин проходил лечение, как его называли, в «выздоравливающем» госпитале. После выздоровления его вновь отправили на передовую в Восточную Пруссию. Здорово досталось тогда фронтовику при штурме городов-крепостей Кенигсберга и Пиллау.

Москва салютовала победителям двадцатью артиллерийскими залпами, а рядовому Малюгину и его сослуживцам объявили благодарность военного совета Гвардейской армии.

Иван Платонович бережно хранит в семейном архиве пожелтевшие листки благодарности с дорогими для него словами.

После взятия Пиллау солдатам дали передышку. Их разместили в амбарах какой-то деревни. И ничего не предвещало неприятных сюрпризов, но однажды... Вечером 9 мая после отбоя дежурный по лагерю объявил тревогу. Начался переполох, решили, что немцы прорвались, и выскочили на улицу кто в чем. Но это была долгожданная победа. Небо горело от салюта, сердце разрывалось от радости. На следующий день был праздничный обед.

Но до возвращения к мирной жизни было еще далеко. Иван Платонович Малюгин продолжал нести военную службу в Восточной Пруссии. Только в 1948 году он демобилизовался и вернулся в родные края. Из Ханты-Мансийска солдат шел пешком 40 километров до деревни Шапши, а дальше на почтовых лошадях добирался до Романовки. Здесь случайно встретился с родным братом-инвалидом, и вместе добирались до родного дома.

Сначала И.П. Малюгин работал в райпотребсоюзе бригадиром грузчиков, а в 50-е годы райком комсомола отправил его в тайгу на заготовку леса, необходимого стране. Здесь, в сырой тайге, обутый в ботинки с обмотками, он промочил ноги, простыл и тяжело заболел. И мирные годы не принесли особого счастья, тем не менее он вырастил двух сыновей.

Когда Иван Платонович вышел на пенсию, еще 17 лет проработал сторожем в УМ-3. Любили и уважали его в коллективе за честность и порядочность. Ветеран-орденоносец Иван Платонович Малюгин — уважаемый человек в Сургуте. Главной радостью для

него стали встречи с молодежью: он охотно занимается военно-патриотическим воспитанием нового поколения...

В. Заенчковский

«Всю жизнь — казаки!»

— Денежки они тут же истратили надлежащим образом и очень веселились, рассказывая всем: «О, какие жадные эти любители роскоши!», — передавала подробности этой сделки член Союза журналистов Алла Федоровна Ярошко, приехавшая в Сургут в 1969 году. Слушатели от смеха утирали слезы, живо представляли, как старожилы-охотники, среди которых был и Борис Андреевич Проводников, на глазах изумленной публики всучили скупому коммерсанту за предложенную им ничтожную плату вместо лисьей шкурки собачью, выдав ее за ценный мех.

С Борисом Андреевичем А.Ф. Ярошко работала в редакции газеты «К победе коммунизма» в 60—70-е годы, и он был первым, с кем познакомилась Ярошко в Сургуте.

— Коренные сургутяне страшно не любили тех, кто приезжал «за деньгами», — говорила Алла Федоровна, делясь впечатлениями тех лет. — Это считалось срамным. Они в то время тоже много работали и никогда не получали больших северных денег. Коэффициенты появились позднее.

Некоторых «первопроходцев» сургутяне просто изводили своими шуточками. Кто понимал, а кто-то «гнул» свое.

Борис Андреевич и давний его друг Иван Прокопьевич Захаров, работавшие один бухгалтером, а другой заместителем редактора, не унимались. Борьба за чистоту рядов новых сургутян продолжалась на редакционном уровне. Только по глазам Ивана Прокопьевича можно было понять, шутит он или нет: глаза при этом смеялись. А Борис Андреевич щелкает себе на счетах, слегка придерживая их правой рукой, и ни за что не поймешь, правду сказал или опять пошутил. Они не любили, когда человек жил только для себя.

— Борис Андреевич — настоящий сургутянин, — заметила Ярошко. — Он может хохмить по пустя-

кам, но когда требуется что-то серьезное, то нет человека надежнее. И еще: какая-то природная интеллигентность отличала коренных жителей Сургута. Редкое качество! Борис Андреевич обладает им в полной мере. К окружающим он — сама доброта, сама доброжелательность. А бухгалтер — искусный. В редакции его ценили, а до всего он дошел самоучкой. И его переманили в Госстрах. Он — заядлый рыбак и охотник. Знает всю округу, знает, где что ловилось, где что водилось. И говорит: «Мы — казаки, проводники всю жизнь!».

...В 1601 году Сургут насчитывал 280 служилых людей. И среди жителей крепости в 1722 году многие носили фамилию Проводниковы. Называется десятник Степан Проводников шестидесяти лет, рядовой казак Иван Проводников пятидесяти одного года с братом и тремя сыновьями, один из которых тоже служит в казаках и имеет сына (женское население не учитывалось). У казака Микиты Проводникова сорока одного года сыновья Федор десяти и Филипп пяти лет. В бумагах XIX века исследователи находят рапорты прапорщика Гаврилы Проводникова, ко-

торый представляется атаманом сургутских казаков. Атаман Алексей Проводников...

— Да, четыреста лет существуем, — улыбается Борис Андреевич, ветеран Великой Отечественной войны, 1924 года рождения, награжден орденом Отечественной войны I степени, многочисленными медалями, среди которых самая первая и самая дорогая — «За отвагу».

В свое время темно-карие глаза наследника казачьего рода не одно девичье сердце смутили, но весельчак и насмешник всегда уважительно относился к женщинам, и только красавица-жена Наталья Николаевна ему под стать. Вот и сейчас, когда она, элегантная даже в домашнем платье, вошла в комнату, Борис Андреевич заметно оживился и стал объяснять:

— Проводниковых в Сургуте много было. У каждого — прозвище. Мы — Проводниковы Зимоваловские. Дед зимовал, что ли... Кто знает? У нас Зимоваловские уголья были. Речка в окрестностях Сургута километров на шестьдесят была поделена. У всех семей, кто занимался рыбалкой, были свои уголья.

Наша семья рыбачила на речке Мох, что впадает в Тром-Аган, затем в Обь. Там протока Зимоваловская. Дед и отец были рыбаками. Мама неграмотная. У нас шестеро детей было. Я — младший. Мама детьми занималась. Отец дом построил, мы в него переехали, а дед рядом жил, в старом домике. Отец умер в 1932 году, ему 52 года было, кажется, а мне — восемь лет. Я его почти и не помню...

Старшего брата на похоронах отца не было — его призвали в армию, учился он и стал лейтенантом. Мать осталась со средними Николаем и Боренькой. Мария, сестра, вышла замуж, уехала в Ямское, в район Сытомино. Среднюю Харитину, ее Тиной все звали, просватали в Тюкалинск Омской области.

— Не поздоровилось ей, — рассказывает Борис Андреевич. — Умерла.

Анна Ивановна Зырянова, в замужестве Проводникова, похоронена в сосновом бору над Бардаковкой, что у горбольницы. Тут была окраина Сургута. Городом называли большое деревянное село на взгорье. Для окрестных селений он был центром. С одной стороны Бардаковка течет, мост на Черный Мыс

сделали, а с другой — Сайма разлилась, словно на ощупь ищет дорогу в русло великой Оби. До ближайшего леса тянется колхозное поле. Где районная больница сейчас, начинались урманы, болота, протоки, озера, полные живности и лесных плодов. В Сургуте делали мебель, пекли хлеб, варили вино, похожее на бражку. Были небольшие консервные участки. Занимались традиционными промыслами: охотой, рыболовством, запасали грибы, ягоды, дрова для себя и для проходивших мимо пароходов.

— Тут лошади жили, — вспоминает Борис Андреевич предвоенные годы. — Свои были. На лошадях рыбу возили в Тобольск. Там сдавали, а оттуда привозили подарки, продукты. Деньги нужны были только на хлеб, на соль, ну, сахар еще. Жители держали скот, выращивали овощи, ловили рыбу. Поэтому было все свое. Жили неплохо. Где сейчас музей, там была школа. Я в ней восемь классов закончил. Из учителей помню Анну Андреевну, жену Знаменского, и Аркадия Степановича, конечно. Он преподавал физику, математику. Никогда нас не ругал. Балуемся на уроке, он вызывает и говорит: «Про-

должи урок». Стоишь и не знаешь, о чем идет речь. Другой хулиганит. Ему говорит: «Ты продолжи». Сядешь за парту, он опять вызывает. Не ругал, а вот так... вытягивал нас.

Борис Андреевич посмеивается, и становится тепло и весело, словно в том классе, где все знают и любят друг друга, а мудрый учитель понимает детей. Все ярче солнце, и вот-вот начнут таять устроенные ледяные карусели и катушки.

— Чувствовали, что будет война?

— Ничего не чувствовали, а все в войну играли, бились да сражались. Сын Знаменского погиб в войну, а мы были одногодками.

...Более 400 лет сургутские казаки охраняли бескрайние просторы Сибири, сопровождали православных миссионеров, научные экспедиции, купцов, несли таможенную службу. В 13—14 лет предки сегодняшних сургутян определялись «в казаки». Особо гордились они знанием языков и обычаев местного населения, поставлявшего в казну мягкую рухлядь. Собирая ясак, сопровождая богатые обозы в Москву и губернские города, сами ка-

заки дорогих мехов не носили, надевали овчину. Для пропитания занимались охотой, рыболовством, заводили домашний скот и огороды. Донося о «скудости» своей, тем не менее не изъявляли желания уехать: известная самостоятельность, значимость роли казаков на этой территории были важнее материального достатка, а служение родине ставили превыше всего.

...В августе 1942 года Бориса Проводникова призывали в армию.

— Братья уже были на фронте, я последним уходил. Мама плакала, конечно. Не захотела одна в доме оставаться и уехала к Марии в деревню. Вместе со мной уходили Коля Конев, Дмитрий Галахов, Николай Максимович Ромашов, отец Натальи Николаевны...

— Отец в 1942 году прислал письмо из Омска: «Едем на фронт». И больше от него ничего не было, — вспоминала Наталья Николаевна, перелистывая семейный альбом. — Это отец, это портрет мужа Марии, старшей сестры Бориса Андреевича, на этом снимке — мой дядя...

Алексей Максимович Ромашов защищал Ленинград, вернулся с войны без ноги. Умер в 1995 году. Его жена и дети живут в Сургуте. А вот фотография среднего брата Бориса Андреевича, старшего лейтенанта Николая Андреевича Проводникова. С войны он вернулся с ранением от разрыва снаряда, работал в местном отделении милиции. И его нет в живых...

— Наталья Николаевна, вы приехали сюда в 1943 году после окончания Ханты-Мансийского медучилища. Раненые уже возвращались с фронта?

— Мало возвращались. Давно это было, а кажется, будто вчера. Все в памяти осталось: голодно было, не хватало одежды, эпидемия тифа... Но все равно это были годы нашей молодости, что-то хорошее осталось в душе.

...Наташа Ромашова жила на частной квартире в доме по улице Ленина. От кинотеатра «Октябрь» улица шла к Сайме. Спустишься вдоль колхозного поля в лесок, тут тебе и ягоды, и грибы. Бери сколько хочешь! На месте рыбозавода пристань была. Только два раза в месяц подходил к пристани пароход «Жорес». Сургутяне, едва заслышав гудок за поворотом реки, одевались по-

лучше и шли на пристань торговать. Ярмарка на берегу — настоящий праздник. Ребятишкам заманчиво было пробежать по палубам, пускали всех пассажиров.

— Холодно! Встанешь утром, спичек-то нет, вот и смотришь, у кого печка топится, и бежишь за угольком. Тогда электричества не было, ни ламп, ни керосина, свечек и то не было. Жир на блюдечко наливали, фитилечек из тряпочки, он и горит маленько, освещает. Так и поддерживали огонь. Жили как-то, все делали и ждали вестей с Большой земли.

— Новобранцев отправили в пехотное училище под Томском. Был там старшина-сибиряк. В столовую приведут, пообедаем, команда: «Сибиряки, разойдись! Остальным — на работу!». Три дня баловал, а потом всех туда же, — смеется Борис Андреевич. — Шесть месяцев проучились и тут собрали всех и в Москву увезли. Смотрим: противотанковые надолбы на улицах стоят: «Война здесь, что ли?». Все не верили. Молодые были, всем по восемнадцать. Думаем, что все игрушки. Распределили нас «на Вязьму». Сначала ехали в поезде, потом пешком шли. До Дорогобужа, перед Смоленском. С Бо-

рей Щепеткиным на фронте встретились в сорок третьем году. Он связистом был, готовил для нас связь. Узнал его. Да и как не узнать! Дружили все время. После войны вернулся домой целехоньким, но умер от туберкулеза.

— Вы когда в первый раз немцев увидели?

— Ну, еще когда на фронт приехали: их в Москву везли. Они на нас своих вшей кидали.

— Злились?

— Конечно! У Дорогобужа сильных-то боев еще не было: ослаблены были войска после боев под Москвой. Мы заняли оборону, окапывались. Месяца два, наверно, стояли. Конечно, холодно и голодно было, да еще ночами не спишь. Были случаи — они на нас нападали. Однажды немцы поднялись в атаку, хотели нашу оборону сломать, но получили отпор. Мы тогда силы накапливали, укреплялись. Перед наступлением меня направили в разведку, учили ходить в тыл противника, «языков» добывать.

Метров 400—500 было до окопов немцев. Мы ночью потихоньку пробрались в один окоп и захватили двух немцев. Стали отходить с пленными, тут меня

и ранило в руку. Пуля прошла насквозь и сзади, в лопатке, сантиметрах в сорока от позвоночника застряла. Товарищ вынес меня. И пошло: госпитали, операции... Никак не заживало. С открытой раной и выписали. Но, видно, важного «языка» мы тогда взяли: меня наградили медалью «За отвагу». А пуля и сейчас в теле сидит. Бывает, прохожу на самолет через приборы — звенит. «У тебя что?» — спрашивают. «Ничего нет. Пуля в лопатке».

В городской квартире Проводниковых на почетном месте фотография: среди цветущей черемухи стоит пятистенная казачья изба, где окна в наличниках и ворота, устроенные без затей, северного стиля. Эти ворота построил сам Борис Андреевич, когда вернулся с войны.

Можно было и не удивляться этому дому, если бы не строитель — двадцатилетний Борис Андреевич Проводников с бездействующей правой рукой. Будучи пенсионером, на пенсию, которой не хватало на бинты для перевязок, он достроил отцовский дом...

Наталья Николаевна рассказывает, что в доме были кухня и три комнаты. В 1970 году после окон-

чания Тюменского индустриального института в Сургут приехал сын с женой и ребенком, тогда же и дочь закончила техникум.

Недавно отметили серебряную свадьбу дочери. Любовь Борисовна преподает школьницам швейное дело. Сын Геннадий Борисович — нефтяник, кандидат наук. У Натальи Николаевны и Бориса Андреевича трое внуков, правнук и правнучка. Все живут в современных домах, помнят о родовом гнезде, уважают фронтовое прошлое своей большой семьи, гордятся честью и достоинством служилых предков-казаков.

Т. Шматова

Когда я на почте служил...

Было такое время, когда радиофикация домов в почтовом ведомстве стояла на первом месте. О том хорошо помнит Маркс Григорьевич Федулов. Да и как ему не помнить, коль скоро он был непосредственным строителем радиолиний. Работал Маркс Григорьевич в пятидесятых годах в окружном узле связи и мотался по Сургутскому, Кондинскому, Самаровскому (теперь Ханты-Мансийскому) районам.

Только в одном Сургутском районе он радиофицировал Угут, Каюковы, Юган, Юган ЛЗУ, Усть-Юган, Верхнюю Мысовую, Покур, Вахлово, Локосово, Островное, Орехово, Варьеган, Кочевые, Русскинские, Аган, Чеускино, Балык, Карьеган, Каркатеево, Белый Яр, Майский. Как минимум половины из этих населенных пунктов не досчитывается нынче в

нашем районе. Одни исчезли, другие отошли в административное подчинение к соседям.

— Бывало, приедешь в деревню — жилым пахнет, — рассказывает М. Федулов, — не столько взрослых встретишь, сколько детей. Хозяйства были крепкие, в каждой деревне — колхоз, скота насчитывалось немало. Вот идешь к председателю или в Совет, озадачиваешь их. Столбы они готовили, людей выделяли для радиофикации. Тогда ведь телевизоров не было, все слушали радио. В каждом населенном пункте монтировалась радиостанция, вытеснившая морзянку. Сорок с лишним радиоузлов за свою жизнь построил.

Маркс Григорьевич — из здешних, пилюгинских. Его род восходит к казакам, кои Сургут основывали. Родители жили одно время в стольной деревне здешнего купца Тетюцкого — Югане. Дед Федулова торговал в купеческой лавке, а отец стал секретарем туземного Совета. Это при нем описали церковное имущество и передали на хранение уважаемой сельчанке, чтобы не разворовали. В юганские края по привычке еще долго наведывались хан-

ты, совершавшие ранее религиозные обряды. Долгое время и церковь там сохранялась, но и до нее, по его словам, добрались.

Нет ничего удивительного, что с малолетства Маркс сдружился со сверстниками-ханты, освоил их обычаи и язык. Учился вместе в интернате, работал потом тоже с ними. Он и сейчас говорит со стариками, если попадет в юрты. Молодые, замечает, свой язык уже не знают, а стариков почти не остается. По пальцам можно пересчитать: Кинямин Спиридон, Каймысов Дмитрий, известный под кличкой Корреспондент «Красной звезды», вот, пожалуй, и все старые юганские ханты.

Подучился у них он заготавливать пушнину и начал работать в Каюковых, потом попал на фабрику, что располагалась в 20 километрах от Русскинских. Не тех нынешних, ведь в сороковых годах на месте теперешнего центра национальной культуры стояло всего три дома да юрта Ивана Рускина.

Заготовитель, известное дело, раньше-то на месте не засиживался, шастал по урманам да хантыйским стойбищам. Это не то что ныне: заготовит хан-

ты ягоды, дичину, рыбу, да и сам же хлопочет о вывозе. А Маркс Григорьевич и ездил, и на их языке разговаривал.

Летом 44-го года ему пришлось гнать оленей на угожья Никиты Александровича Покачева. Целая это была наука — сохранить оленей от гнуса. Для летнего каслания выбиралось чистое место между «озерьями» на равнине, где бы ветерок разгонял комариные тучи. В лесах оленю в летнюю пору — погибель. Не случайно, замечает собеседник, юганские ханты почти не имели оленей — там тайга, нет летних выпасов. А те, что имели, на лето угоняли. С такой оказией и уехал тогда Маркс. Следом за ним прибыл нарочный, тоже ханты, с повесткой для него на фронт.

И за год до окончания войны (только годы подошли) отправился Федулов по повестке. За пять дней на обласе преодолел почти 700 километров. Явился в Сургутский военкомат (тогда здесь был только военно-учетный стол, занимавший одну комнату в административном здании Совета) и отправился в Ханты-Мансийск, оттуда в Омск для обучения. На фронт попал за границу, в Варшаву. Стоял потом в Авст-

рии, три года служил в Одессе. Домой вернулся только через шесть лет, в 1950 году.

И снова пошли разъезды, командировки: летом на катере (были в ту пору почтовые катера), зимой — на лошадях и оленях. Конно-почтовые станции были в Изголови, неподалеку от Ваты, что на Покурской территории, Нижней Мысовой, что недалеко от Локосово, в Широковом. Там меняли лошадей и отдыхали ехавшие. Не однажды на перекладных путешествовал и Маркс Григорьевич. Бывало, приедешь с морозца, выпьешь чайку, согреешься и снова в путь, в неоглядную даль. И сколько бы ни ездил, не переставал любоваться природой. «Теперь-то разве ее кто видит?» — говорит.

Эти поездки, путешествия в конце концов поднадоели. Да и жена, с которой он познакомился во время своего очередного визита в Урманный, стала возмущаться. Трудновато ей приходилось управляться с увеличивающимся семейством (было у Федуловых двое, потом четверо детей стало). Поэтому, когда в конце 50-х годов ему предложили поехать в Угут строить электростанцию, он согласился, тем более и

мать его теперь там жила, и братья. Хотя опыта не было, но взялся Федулов за дело.

Строили колхозом, а нутро начинали по его под-сказке, да в основном-то все делал он сам. Он и дал первый электрический свет таежным жителям. Дизель электростанции работал строго по графику, освещая дома в вечерние и утренние часы. В 12 часов ночи станция прекращала работу, и село погружалось в глубокую тьму.

Но со временем колхоз распался. Лишь один год просуществовал Юганский зверосовхоз, потом образовался Тауровский ПОХ (промыслово-охотничье хозяйство), земелькали, как в калейдоскопе, руководители-варяги из Москвы, с Дальнего Востока. Федулов вновь вернулся на почту, а потом и вообще переехал в Сургут. Купили они с супругой Анной Федоровной домик и зажили тихо-мирно, выводя в люди детей, помогая им учиться. Да подступил снос, и вновь пришлось переезжать Федуловым. Как он сам замечает, в эту тюрьму, то есть бетонную коробку, где ничего делать не надо. А он к этому не привык. Хотели, говорит, тогда хоть землю увезти

да огород приобрести, но хватились через два дня, а ее уже кто-то вывез.

Но все равно не сидится Марксу Григорьевичу дома. Смастерил он алюминиевую лодку и ездит на ней на рыбалку. Шлюпку с мотором продал, потому как нет никакой возможности ею пользоваться. Приедешь, чуть отойдешь — и уведут. Сиди тогда на берегу, и никто тебе не поможет. А эту легкую-то он и перенесет, и утопит, и от лихого глаза замаскирует. Он до сих пор обеспечивает семью рыбой, а в урожайные годы другими дарами леса и тайги. В трудовой книжке Федулова — бесконечное количество благодарностей, записей о вручении премии за труд, за внедрение новинок. Хотя, как сам замечает, радио и релейная связь далеко в район не шагнули — в этом ведомстве прогресс поспешает медленно.

— Когда я на почте служил в должности техника, инженера-механика, монтера, подменял начальника отделения в Рускинских, тогда там и линию, самим построенную, ремонтировал, — говорит М.Г. Федулов. — Районный узел связи был крепким многоотраслевым ведомством со своим уставом, жесткими не-

зыблемыми правилами. Теперь этого не стало, все разбрелись по отдельным предприятиям. Как в деревнях, что были крепкими, держась вместе. Теперь выживают поодиночке и нередко разоряются.

Г. Кондрякова

Годы, летящие в даль бесконечную...

«Если хочешь жить для себя, живи для других».
Сенека.

Считаю, что настало время рассказать о первых учениках известного сургутского просветителя Аркадия Степановича Знаменского. Думаю, что один из них займет достойное место в истории Сургута. Это Виталий Яковлевич Алексеев, коренной сургутянин, человек с трудной судьбой.

Недавно, спустя 50 лет, он вернулся в родной город, где прошли его детство и юность. Здесь Алексеев начал работать. Это были предвоенные и первые годы начавшейся Великой Отечественной войны.

С Виталием Яковлевичем мы познакомились в год 100-летия со дня рождения нашего учителя — А.С.

Знаменского. В Сургутском пединституте шла подготовка к проведению научно-практической конференции на тему «Традиции и проблемы российской педагогики в условиях современности» под руководством доктора филологических наук, профессора Ю.А. Дворяшина.

Моя задача как заведующей музеем СурГПИ заключалась в том, чтобы среди коренных сургутян найти учеников А.С. Знаменского довоенного периода. И я нашла В.Я. Алексеева. Из нашей беседы стало ясно, что он представляет для нас, выпускников 1957 года, пример самого высокого отношения к званию ученик Знаменского. Не так уж много их осталось, знавших 20-е—30-е годы XX столетия.

Мы договорились о выступлении на конференции в пединституте, где соберутся ученики А.С. Знаменского всех выпусков — 1938—1958 гг.

Виталий Яковлевич напомнил мне моего отца: крепкого и основательного, общительного и интеллигентного человека. Вскоре я получила от Алексеева текст с воспоминаниями для публикации в книге «Тропа жизни учителя Знаменского», кото-

рую редактировал В.К. Белобородов, один из учеников А.С. Знаменского, проживающий в Ханты-Мансийске.

Главы из воспоминаний Виталия Яковлевича были опубликованы в газете «Северный дом» в день открытия научно-практической конференции в пединституте. На репродукции одной из фотографий из личного архива Алексеева были изображены члены тимуровской команды, которой руководил Аркадий Знаменский, сын Аркадия Степановича.

...13 июля 1926 года в семье Алексеевых родился восьмой ребенок, мальчик, которого нарекли Виталием. Анна Георгиевна и Яков Константинович были рады рождению сына. Она была коренной сургутянкой из казацкого рода Клепиковых. Учась в Тобольске, познакомилась с тоболяком Яковом Алексеевым. После успешного окончания гимназии молодая чета Алексеевых переехала в Сургут. Якову нравились здешние места: раздолье, рыбалка, охота. Алексей быстро понравился родителям жены. Анна была прекрасной хозяйкой: в доме чистота, уют и порядок. Дети были

приучены к труду, у каждого были определены обязанности по хозяйству.

В войну мать Виталия не сидела сложа руки. Она успевала заниматься не только домашним хозяйством, но по ночам вязала варежки, носки, шарфы для отправки на фронт.

Тяжело было поднимать детей Анне Георгиевне, но, несмотря на все трудности, дети выросли прекрасными людьми.

Отец Виталия Яков Константинович в годы гражданской войны боролся за установление советской власти в нашем крае. Он попал в плен к белым и был приговорен к смерти. На пленных колчаковцы патроны не расходовали, а помещали в баржи, надевали камень на шею и сбрасывали в реку. Эта участь ждала и Якова Константиновича, но он остался жив: знакомый солдат-белогвардеец, толкая его в реку, развязал веревку на руках, и старший Алексеев выплыл на берег.

В начале тридцатых годов Алексеевы жили в Комарово Сургутского района. Отец работал начальником фактории. Часто приходилось бывать в коман-

дировках, пробираясь через реки и болота. Яков Константинович простудился, тяжело заболел и умер. Виталию в то время шел девятый год. С 1934 года Алексеевы жили на мизерную пенсию.

Родительский дом матери Виталия был расположен в районе старого Сургута, недалеко от здания городского музея. На Барской горе, недалеко от Троицкого собора, располагался детский сад, в который бегали четыре друга: Виталий Алексеев, Володя Черных, Лева Черемных и Адик Знаменский. Потом они вместе учились в школе: сначала в красной школе начальных классов, а с пятого перешли в белую — с большим двором, красивыми воротами, с многочисленными постройками и небольшой спортивной площадкой.

Мальчишкам нравилось тимуровское движение, которое, как вспоминает Виталий Яковлевич, было хорошо развито в школе. Его зачинщиками стали Знаменский — Аркадий Степанович, его жена Анна Андреевна и их сын Адик.

В каникулы штаб тимуровцев перемещался из школы на чердак дома Знаменских. Во главе отряда был Адик Знаменский, его помощники — Володя

Черных, Лева Черемных и Виталий Алексеев. Связными были Юра Петухов и Иван Клепиков. Отряд делился на верхнюю и нижнюю дружины, а те в свою очередь делились на 4—5 отделений.

Сургутские тимуровцы ходили с настоящими пилами, топорами, лопатами и ведрами по домам престарелых, больных, инвалидов и всех, нуждающихся в помощи, заготавливали дрова, приносили воду, копали огороды, убирали мусор, снег.

Аркадий Степанович часто бывал в отрядах. А в летние длинные вечера мальчишек приглашали в дом Знаменских, где, усевшись поудобней, они слушали музыку в исполнении семьи Знаменских. Иногда ребята разучивали песни, читали стихи. Позднее, как заправский артист, Алексеев выступал с друзьями в школе и в Доме культуры, который располагался в бывшем здании рыбоконсервной фабрики.

Виталий Яковлевич помнит, что именно у Знаменских он и Володя Черных научились играть на струнных инструментах: Володя на мандолине, а он — на альтушке и балалайке. Адик Знаменский играл на многих музыкальных инструментах. В конце

30-х годов ребята занимались в духовом оркестре. Виталий даже стал петь: сначала в школьной самодеятельности, а вскоре и на взрослой сцене.

Нравились школьникам летние походы в лес, где они ловили бабочек, стрекоз, собирали листья разных растений и цветов для гербария. В пути шел оживленный разговор о природе, который обогащал знания ребят не меньше, чем на уроках. Мальчишки многое узнали от своего учителя, который был рожденным педагогом, музыкантом, краеведом, звездочетом, философом. Его многогранный талант изумлял и потрясал воображение.

У Знаменского был оригинальный взгляд на природу. Чарующая свобода фантазии и гармоничное отношение к бытию. Он учил учиться и жить основательно, мудро и не спеша, быть самим собой. Эти уроки усвоил и Виталий Алексеев.

Когда началась Великая Отечественная война, Виталию было четырнадцать лет. Возвратившись домой с рыбалки, он и его друзья узнали о начавшейся войне. «Мы тут же забыли про улов, в груди что-то оборвалось», — вспоминает Алексеев.

Мирное безоблачное детство закончилось. Другьям пришлось идти работать в райрыболовпотребсоюз: развозили товар по магазинам, кормили и поили лошадей. Зимой Алексеев дважды ездил с гружеными повозками в Самарово и обратно. Это был тяжелый и опасный путь по обскому льду.

Весной 1942 года Виталий устроился на рыбозавод разнорабочим, где трудились многие его сверстники. Летом его направили на курсы фабрично-заводского обучения в Самарово, где он получил квалификацию четвертого разряда и вернулся домой на завод в бригаду плотников. Трудился от зари до зари, вставал в 5 часов, чтобы вовремя добраться до завода. Домой возвращался поздним вечером. Малейшее опоздание каралось по законам военного времени до десяти суток карцера.

До мая 1944 года Виталий трудился на заводе. А 3 мая 1944 года, в полдень, под продолжительные гудки и прощальные звуки духового оркестра, плач и слезы родных пароход «Яков Свердлов» отошел от пристани, увозя группу призывников. Среди них был и Виталий Алексеев.

Виталий Яковлевич вспоминает:

— В Новосибирске закончил военную радиошколу. И в звании ефрейтора-радиста третьего класса меня отправили на фронт в отдельный батальон связи 79-го стрелкового корпуса третьей ударной армии Первого Белорусского фронта. Бойцы этой армии прошагали по Европе, освобождая город за городом, и одними из первых расписались на рейхстаге. Я попал в центр военных событий, общался с командиром третьей ударной армии В.Н. Кузнецовым, членом военного совета армии М.Ф. Букштыновичем, командиром 79-го стрелкового корпуса С.Н. Переверткиным. Довелось участвовать в Висло-Одерской операции, в боевых действиях в Польше, Померании, видел полностью разрушенную Варшаву.

...Больше всего Виталию Яковлевичу запомнилась Берлинская операция. Он вспоминает, как у пленных немцев нашли обращение Геббельса от 14 апреля 1945 года к девятой армии, в котором говорилось: «Если каждый выполнит свой долг на восточном фронте, последний штурм азиатов будет сломен... Берлин немецкий и останется немцам, Европа

никогда не будет русской... Мы затопим кровью большевистское нашествие!». Это обращение еще больше усилило ненависть и решимость солдат во что бы то ни стало скорее покончить с фашизмом.

И этот час настал. Ночью 16 апреля наши саперы подготовили проходы в минных полях противника. И в 5 часов московского, или в 3 часа берлинского времени началась 30-минутная артподготовка на Кюстренском плацдарме. Небывалый шквал огня обрушился на врага. А через полчаса включили 140 прожекторов, установленных через каждые 200 метров, и ночь стала светлее дня. Пехота и танки бросились вперед.

Атака наших войск сопровождалась двухслойным огненным валом. Образовалась непроницаемая стена пыли и дыма, в небе волной шли штурмовики, бомбардировщики, истребители, прикрывая наступление с воздуха. Противник был подавлен и почти не оказывал сопротивления на переднем крае. Солдаты почти без потерь овладели первой траншеей и с ходу двинулись ко второй — самой мощной полосе обороны противника. Это были Зееловские высоты, кото-

рые Гитлер считал «замком» Берлина, неприступной крепостью. Но и к этому «замку» наши войска подобрали ключ. Враг, огрызаясь, как загнанный зверь, отступал к Берлину. Вскоре тяжелые и кровопролитные бои завязались в районе центрального оборонительного сектора столицы Германии. С неимоверными усилиями удалось взять тюрьму Маобит, откуда освободили свыше семи тысяч политзаключенных и военнопленных.

Виталий Яковлевич помнит встречу с лейтенантом Советской Армии, немцем Конрадом Вольфом, переводчиком, участвовавшим при допросах пленных фашистов. Дело было так. Алексеев шел по второму этажу тюрьмы, а чуть впереди него наш офицер. И вдруг из-за угла показался человек в генеральских эполетах. Оба вытянулись «в струнку» и чуть было не отдали честь генералу немецкой армии, за которым следовали два наших офицера и три автоматчика. Алексеев и незнакомый ему офицер смущенно посмотрели друг на друга, рассмеялись и стали знакомиться.

С Конрадом Вольфом Алексееву пришлось встретиться еще раз. Это было в Молдавии на приеме не-

мецкой делегации кинематографистов в начале 80-х годов. Делегацию возглавлял Вольф, будучи всемирно известным кинорежиссером и президентом Союза деятелей искусств ГДР.

В боях под Берлином Виталий Яковлевич встретился со своим другом Володей Черных. Увы, вот уже много лет Алексеев ходит на могилу своего друга на старом кладбище за Саймой.

...В 13 часов 30 апреля 1945 года загредел залп «Катюш» — началась артиллерийская подготовка последнего, решающего штурма рейхстага. Почти двое суток шли кровопролитные бои. Наши потери были большими.

Шел третий час ночи 2 мая, когда раздался взволнованный голос радиста Алексея Ткаченко из рейхстага: «Немцы на русском языке открытым текстом просят перейти на волну 440 и вступить в переговоры». Около шести часов утра приняли еще одно радиосообщение из рейхстага: «Заканчивается прием пленных около рейхстага, всего из подвалов вышли 1654 человека». Таким образом, рейхстаг к утру 2 мая был полностью очищен от противника, и наши

бойцы, которых переполняло чувство одержанной победы, стали расписываться на побитых колоннах и стенах огромного здания.

До 1950 года Виталий Яковлевич служил в Германии и постоянно следил за газетами и журналами, в которых сообщалось о восстановлении разрушенных войной городов России и союзных республик. Среди солдат образовалась группа друзей, которые решили ехать в Молдавию. Что привлекало тогда молодых людей? Конечно, не только романтика, а желание помочь родной стране наладить мирную жизнь в послевоенные годы.

В 40 километрах от Кишинева находился сельсовет, председателем которого избрали Алексева. План сдачи государству сельхозпродукции колхозы перевыполняли, колхозникам нравилось общаться с председателем, нравились его открытость, инициатива.

Казалось, все устроилось в жизни фронтовика. Но через год его, как активного участника художественной самодеятельности, назначают директором районного Дома культуры. В те далекие 50-е не было

хороших дорог, трудно было добираться от одной деревни до другой.

В 1951 году Виталия Яковлевича назначают начальником отдела кинофикации. Потом была комсомольская и партийная работа. Алексеев учился и работал, работал и учился. Набирался опыта у хороших людей. Четыре года учебы в Кишиневской высшей партийной школе не прошли даром. После ее окончания его назначают директором завода «Электрoarматура» в Оригеве, что в 46-ти километрах от Кишинева.

Работал он и заведующим отделом пропаганды и агитации, вторым секретарем райкома. Увлекался историей и поступил на исторический факультет Кишиневского государственного университета. После окончания университета работал директором межрайонной средней школы. Но его приглашают на работу в Комитет по кинематографии Молдавской ССР, а через два года избирают оргсекретарем республиканского Союза кинематографистов.

Это было время творческого подъема молдавского кино. Целый ряд фильмов был отмечен наградами.

Алексеев пишет сценарии документальных лент. Его фильм «Путь в будущее» в 1976 году на пятом Всесоюзном кинофестивале в Куйбышеве был удостоен Диплома первой степени. Алексееву вручили серебряную медаль ВДНХ СССР за яркое сценарное решение темы. Этот кинофестиваль был посвящен сельской тематике. И фильм Алексеева отразил те преобразования, которые произошли в сельском хозяйстве республики, показал, как изменились облик молдавских сел, психология людей, уклад их жизни. Он имеет звание «Отличник кинематографии СССР».

Из рук Александра Ивановича Покрышкина В. Алексеев получил почетный знак «ДОСААФ СССР» за проведение второго международного кинофестиваля документальных фильмов оборонного значения стран содружества. На фестивале он был председателем жюри.

В конце 80-х годов охватила Виталия Яковлевича тоска по родине. Он все чаще и чаще вспоминал родительский дом, улицы Сургута, Обь с ее крутыми берегами. А однажды утром проснулся с твердым решением: надо ехать домой, в родной Сургут.

...И вот он в Сургуте. Алексеев устроился на работу и вместе с Петром Александровичем Мунаревым, первым председателем общества «Старожилы Сургута», решал многие социальные проблемы в администрации города.

Большой жизненный опыт, компетентность позволили Виталию Яковлевичу оказаться в гуще городских событий. Его избирают председателем городского комитета ветеранов. К нему идут сургутяне. Он умеет выслушать людей, понять их и никогда никому не откажет в помощи, если она выполнима, поможет добрым словом и советом.

Жена Виталия Яковлевича Тамара Леонидовна — прекрасная хозяйка. Самое любимое блюдо — рыбный пирог. Тамара Леонидовна скромничает, когда ее просят рассказать о себе. Она уже на пенсии, а с мужем видятся редко, так как он все время или на работе, или решает общественные дела. И всю жизнь так. Прожив полвека, они понимают друг друга, можно сказать, с полуслова, с одного взгляда.

Познакомились они в Молдавии. Виталий Яковлевич приехал со своими друзьями из Герма-

нии. «Я обратил внимание не только на ее красоту и доброту, — вспоминает Алексеев, — но почему-то сразу понял, что она будет прекрасной хозяйкой в доме. Я был спокоен и уверен, что, придя домой уставший, всегда найду взаимопонимание и поддержку во всем, что обо мне позаботятся».

Дети Алексеевых уже давно имеют свои семьи. Детей они воспитывали в строгости, но никогда не повышали на них голос, и они понимали даже строгий взгляд. Если возникали проблемы, их обсуждали вместе с детьми. Внимательное и чуткое отношение друг к другу передалось и детям. Тамара Леонидовна и Виталий Яковлевич рады любимым внукам и правнукам. Ждут не дождутся, когда настанет лето и к ним приедут дети. За большим семейным столом будет всем тепло и уютно. Тамара Леонидовна, как всегда, будет колдовать на кухне, а Виталий Яковлевич повезет детей на рыбные угодья, после удачной рыбалки сварят фирменную сибирскую уху.

Накануне 50-летия Великой Победы при городском Совете ветеранов был создан клуб фронтовиков «Слава», который возглавил В.Я. Алексеев. Ак-

тивное участие в работе клуба приняли Федор Александрович Куйвашев, Василий Григорьевич Филистович, Алексей Степанович Савин, Тимофей Федорович Носков, Лариса Ивановна Золотухина, Алла Константиновна Мясникова, Зоя Харитоновна Трофимова.

В 1995 году два клуба ветеранов — «Слава» и «Фронтовые подруги» — создали сургутское отделение комитета по достойной встрече 100-летия со дня рождения выдающегося полководца Великой Отечественной войны Георгия Константиновича Жукова. Возглавил этот комитет Алексеев. Организовали движение жуковцев. И вскоре в Сургуте появились первые школьные отряды «Юный жуковец».

Осенью 1996 года, накануне дня рождения великого маршала, состоялся первый слет юных патриотов города. Собралось тогда несколько сот энтузиастов, которые решили как можно больше ребят привлечь в свои ряды.

Стало традицией праздновать очередную годовщину со дня рождения маршала Жукова. Состоялся третий городской слет, на который собрались 80 отрядов

юных жуковцев. Слет проходил в школе № 34. После торжественного награждения лучших жуковцев и участников Великой Отечественной войны почетными дипломами «Маршал Жуков» и нагрудными знаками командиры отрядов отдали рапорт начальнику сургутского городского штаба «Юных жуковцев», участнику войны Тимофею Федоровичу Носкову.

Молодых патриотов поздравили представители сургутского Совета ветеранов войны и труда Андрей Николаевич Сибирцев, Виталий Яковлевич Алексеев, Зоя Харитоновна Трофимова.

В феврале 1999 года по приглашению городского Совета ветеранов и Комитета по образованию администрации города в Сургуте гостила советник представителя Президента России по военно-патриотическому воспитанию молодежи, дочь маршала Маргарита Георгиевна Жукова. Она встретилась с активистами ветеранского движения, с членами общества «Старожилы Сургута» и клуба «Фронтовые подружки», с командирами школьных жуковских отрядов. Интересные встречи и беседы с ней надолго запомнились жителям Сургута.

— Радостно сознавать, что среди сургутской молодежи растет и крепнет чувство гордости за героическое прошлое страны, ответственность за ее будущее. О вашем опыте я расскажу всей России, — сказала на заключительной встрече с ветеранами М.Г. Жукова.

Виталий Яковлевич Алексеев мечтал о том времени, когда его судьба и судьба его сверстников станет для юных сургутян близкой и понятной. И образованное в 30-е годы тимуровское движение, у истоков которого стоял учитель Знаменский и его воспитанники, нашло свое продолжение в деятельности жуковских отрядов юных сургутян.

В 2001 году семья Алексеевых будет отмечать золотую свадьбу. Хочется пожелать им крепкого сибирского здоровья и счастья на долгие годы.

Н. Распопова

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд

В нашей стране справедливо вспоминают в дни торжеств героев минувших сражений, фронтовиков и ветеранов. Они побеждали в трудных боях, стояли насмерть на передовой. Родина воздавала и воздает им свою благодарную дань памяти и уважения.

Реже мы вспоминаем о тех, кто в тылу, на трудовом фронте, недосыпая и недоедая ковал Победу. Все военные дни и ночи во фронтовом режиме, напряженно работал Сургутский рыбокомбинат. Его ветераны правильно говорят, что это был настоящий подвиг. Подвиг рыбаков Сургута. Наперекор стихиям выходили они на промысел. Тянули сети с добычей и в зной, и в холод, и в дождь, и в ветер.

Заменили ушедших на фронт рыбаков старики, женщины и дети: Овсянкины и Даувальтеры, Вотяковы и Кейнеры из Покура; Кошелевы, Доржиновы, Черкашины из Пасола; Кондаковы, Павловы, Тверетины из Локосово; Варлаковы, Горяевы, Запекины из Погорельска; Вяловы, Комлевы из Сытомино; Звягины, Кондаковы из Сургута. И еще много и много семей из сел райцентра на берегах Оби и ее проток и притоков.

Отличились на промысле и коренные жители обширного района, трудившиеся в рыболовецких колхозах на Большом Югане и Агане, Лагарме и Пиме. Немало потрудились семьи Покачевых и Купландеевых, Покачевых и Каюковых, Колсовых и Бисаркиных. Тогда же начиналась слава многих мастеров лова. Уже нет в живых знатного рыбака, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Михаила Николаевича Бисаркина, а выловленная им рыба в последние годы шла в зачет заданий принятых тогда плановых показателей и после того, как этого замечательного человека не стало.

На скромном обелиске, установленном на комбинатском дворе, нет фамилий. И это понятно, ибо пришлось бы перечислить поименно всех работников военной поры: и тех, кто ушел на фронт, и тех, кто их заменил.

Летопись трудовых дел, историю родного предприятия продолжает вести ветеран рыбокомбината Николай Никифорович Бакшеев. Он проработал здесь долгие годы, не меняя адреса. Пришел пятнадцатилетним юношей, да так и остался навсегда. Вступил в партию не ради выгоды и карьеры, возглавлял партийный комитет комбината.

Приходя сюда, Бакшеев всегда задерживается у обелиска, вспоминает былое, своих товарищей. Ведь он — ровесник родного предприятия, в 1997 году отметившего свое 70-летие. И на пороге нового века и ветеран, и его комбинат, помня о мужестве сургутских рыбаков в военное лихолетье, знают, что все хорошее в жизни умудренного судьбой Бакшеева и предприятия связано прочной нитью с Победой 1945 года, ее героями на полях сражений и в тылу.

Г. Кондрякова

На тверской земле

В год подготовки к 55-летнему юбилею Победы группа детей войны, уроженцев Ханты-Мансийского округа, побывала на месте боев, где сложили головы их отцы. В Тверской области были я, Галина Владимировна Кондрякова, Людмила Ефимовна Пачганова, Валентина Ивановна Горячева. Мой отец Владимир Яковлевич уходил из Сургутского района, отец Пачгановой Ефим Васильевич — из Сургута, отец Горячевой Иван Митрофанович — из Кондинского района. Остались они навечно лежать в Нелидовском и Ржевском районах Тверской области.

Тот день, когда пришла в дом похоронка, я не помню — было мне всего три неполных года. Остались в памяти рассказы бабушки да мамы, словно темным платком накрывшие вдову и мать. В наш северный край весть пришла по «веревочке» (на пе-

рекладных от деревни к деревне). Лишь две семьи из тридцати встретили вернувшихся солдат. В остальные пришли похоронки. И забились в плаче молодые вдовы, поседевшие в одночасье. В 1942 году, когда погиб мой папа, маме было всего 23 года. Она осталась с двумя детьми. Третья девочка, родившаяся после проводов отца на фронт, прожила 10 дней и тихо скончалась. Бабушка, наблюдая за мамой, стала наговаривать нам, что был у нас только один отец, и другого нам не надо.

До сих пор помню, как я ревниво следила за мамой, если та собиралась вечером уходить. Ходили молодые вдовы и те, кто уже не думал о замужестве, с балалайкой, песнями и частушками, а я сидела дома на столе и выла во всю мочь. Бабушка, не очень-то любившая меня (ждали мальчика, а родилась девочка), покрикивала: «Перестань, не задавится ваша мать, явится». Мама ходила с подругами до тех пор, пока не пришел с фронта Митька Кошелев, по паспорту Тальнишных.

Он переселился к нам, и я брала полено, чтобы прогнать его. Они смеялись, укладывая меня в сере-

динку, а мое сердце, подогреваемое бабкиными словами, почти останавливалось в слепой ярости на чужого дядю. Но, глупая, разве я могла понять взрослых! Первое, что сделал дядя Митя — так мы решили его называть — заколотил проход на половину стариков, где остались бабушка и моя старшая сестра Тоня. А я же была с мамой.

Мама все время работала, даже когда рожала. Едва приходила в себя, шла в поле. Первая моя послевоенная сестра Валя звала дядю Митю папой, и это для меня было очень необычно. Многие мои сверстники росли без отцов. Но у нас хоть отчим был, а в других же семьях мужчин вообще не было.

Так и выросли мы вшестером: двое звали нового маминого мужа дядей, четверо — папой. Прородного отца напоминало только пенсионное удостоверение, по которому нам выдавали 72 рубля. Когда я поступила в училище, каждый год брала справки о том, что я учусь, и пенсию продолжали приносить.

С годами все чаще стал возникать в моей памяти образ отца, знакомого мне лишь по фотографиям и

маминым рассказам. Они хоть и жили с Дмитрием Антоновичем, но он наотрез отказался идти в ЗАГС. Как вдова погибшего, мама получала какие-то льготы. В 60 лет она получила прекрасную благоустроенную квартиру. И все радовалась, вспоминая, каким хорошим был ее Володя, и что хорошие, видимо, Богу тоже нужны.

В такие минуты мы мечтали съездить туда, где сложил свою голову папа. Увы, все дела да заботы мешали, а в 90-е годы поездка стала очень дорогой.

Но в год 50-летия Победы я все же решила съездить в деревню Карпово Нелидовского района Тверской области. Обратилась в мэрию с просьбой оказать помощь для поездки. Но перед этим написала в Нелидовский райвоенкомат и сообщила о своем приезде. Оттуда пришел ответ, что Владимир Яковлевич Кондраков в списках погибших не значится. Для меня это было, как гром среди ясного неба. В официальной бумаге мне предложили прислать копию похоронки, что я и сделала, сообщив и про других погибших, чьи имена значились в Книге памяти. В тот раз я никуда не поехала.

А в 1998 году мы решили объединиться в общественную организацию «Дети войны». Объединиться потому, что часто говорят, мол, не забудем павших. «А как же мой папа? — думала я. — Кто о нем помнит?». И вместе мы решили обязательно съездить в Тверскую область. Нас поддержали и комитет ветеранов войны, и городской Совет ветеранов, и мэр города Александр Сидоров.

Профинансировали поездку мэрия и фирма «Когалымавиа». С нами поехал руководитель поискового отряда «Журавушка» Виктор Рябчиков. Мы созвонились с представительством ХМАО в Москве и отправились в путь. Люди мы уже немолодые, тем не менее дорога оказалась необременительной. От Твери до Нелидово — 300 километров. На месте нас ждала милейшая Татьяна Кузьминична Курышева, ответсек городского Совета ветеранов на общественных началах, и мэр города Владимир Комиссаров. Они позаботились о бытовых вопросах и о транспорте.

Нас отвезли к мемориалам в Нелидово и в Карпово. Запомнился один памятник. На постаменте —

солдат, склонивший голову, у подножия — венки. Памятник старый, есть расщелины и трещины.

К нам подошел деревенский житель, инвалид. Мы поднесли ему добрую чарку, зажгли свечи. Высыпали привезенную из Сургута землю, потом сфотографировались. Затем разошлись в разные стороны большого поля, «поговорили» с душами своих отцов-солдат. Зашли к старожилам, которые показали, где шли бои.

Наши отцы шли на верную смерть, утопая по пояс в снегу, раздетые, слабо вооруженные. Немцы же засели в домах и стреляли по живым мишеням. Нам рассказали, что все поле было усеяно трупами, и скот по весне не мог пить воду.

Рассказали нам и про мемориал в деревне Плоское, туда приезжали потомки погибших и привозили небольшие плиты с фамилиями, с датами рождения и гибели. Сейчас там появилась часовня. В день открытия этого мемориала (14 августа 1996 года) собирается много людей, чтобы помянуть погибших воинов.

Жители города Белого накрывают поминальные столы, хотя мэр города подолгу не получает зарпла-

ту, а встретившие нас в гостинице женщины, думаю, не старше меня, выглядели глубокими старухами. Так бедны люди в этом городе. Поэтому горестно они вопрошают: «И за что они, ваши отцы, погибли?».

Несмотря на это, нас встретили очень хорошо. Белый был стерт в войну с лица земли. Но его наспех отстроили, поэтому многие здания уже обветшали, а денег на их ремонт и текущее обслуживание, естественно, нет.

Из Твери мы вернулись в первопрестольную, чтобы побывать на Поклонной горе. Там увидели оружие времен Великой Отечественной войны. Я думаю, что папа мой был убит сразу. А хоронили павших бойцов женщины, лишившиеся крова, хоронили, стаскивая за ноги и за руки в воронки, чуть присыпая землей. Страшно и больно! Хорошо, что и мама, и бабушка об этом никогда не узнают.

Г. Кондрякова

О родителях — участниках Великой Отечественной войны

Мой отец Ефим Васильевич Силин, участник Великой Отечественной войны, родился 10 января 1904 года в Сургуте, в семье казака из старинного рода Аполлоновских. Так их называли по отцовской линии. Его дед, Аполлон Силин, имел трех сыновей, среди них и мой дед — Василий Аполлонович Силин. Все были хорошими охотниками, рыбаками, занимались сельским хозяйством. Жена Василия Аполлоновича Мария умерла рано, оставив двух сыновей: Ефима, 1904 года рождения, и Василия, 1907 года рождения. В 1913 году дед женился вторично на женщине с двумя детьми.

В 1914 году Василий Аполлонович был призван на первую мировую войну. Его дети, Ефим и Васи-

лий, ушли жить в другие семьи. Ефим жил у своего дяди, служителя сургутской церкви, а Василий воспитывался у ненцев, что жили к северу от Сургута. Дед вернулся с войны с тяжелым ранением и скоро умер.

Мой папа жил у купца Тетюцкого, помогал ему управляться в магазине. Купец хотел сделать его своим помощником, так как своих сыновей у него не было и в отце он увидел человека, способного продолжить его дело, чему завидовали племянники купца.

У отца была красивая внешность: высокий, видный, с вьющимися волосами и черными глазами. Он был добрым и общительным, очень любил детей, и они отвечали ему взаимностью. В нашем доме всегда было много народу.

Мой дед по материнской линии, Антон Кирьянович Коробов, с 1905 года жил в деревне Юган. Был краснодеревщиком, заготовителем пушнины у купца Тетюцкого. Строил первые фактории для ханты в Угутском сельском совете вместе с А.И. Кондаковым.

В 1922 году мой отец женился на дочери Антона Кирьяновича Александре. В 1928 году они переехали в Сургут. Отец работал шкипером. Везли продукты, одежду и все необходимое для деревень Сургутского района. Ходили по Югану, Чалтыму, Неваю, доходили и до Томска.

Валерьян Комлев, ветеран трудового фронта, пенсионер, вспоминает, что он часто ездил с моим отцом на охоту и рыбалку, и говорит, что мой отец был прекрасным человеком: добрым, внимательным, отзывчивым, люди называли его «настоящим казаком». Отец мог всегда спокойно выслушать, объяснить и помочь. Его и сейчас люди вспоминают добрым словом.

В 1941 году, осенью, вместе с другими сургутянами ушли на фронт мой отец, его братья Василий и Николай, дядя Костя Кондаков, дядя Леня Комлев, дядя Саша Силин, дядя Дима Коробов. Участвовали они в боях под Москвой. Сначала все писали письма, последнее письмо пришло моей тете Марусе Комлевой от ее родного брата Димы. Он писал, что бои идут очень тяжелые, приходится туго, но они дер-

жаты, и в конце приписал: «Маруся, Лени больше нет с нами. Осколок мины попал ему в живот, мы остались вдвоем с Ефимом». Такая страшная весть достигла Сургута в апреле 1942 года.

На нашего отца похоронка пришла в июне. Мама уехала доить коров, мы были дома одни. Почтальонка появилась рано утром, когда мы еще спали. Дверь открыл старший брат Слава, она вручила ему бумагу и молча ушла. Услышав шум, мы проснулись, и Слава сообщил нам страшную весть, что отца больше нет. Мы долго плакали. Когда приехала мама, мы не осмелились сообщить ей сразу про похоронку. Но она все поняла, глядя на нас — заплаканных и притихших. Слава подал ей извещение, и мама ушла в другую комнату оплакивать отца. Нам не верилось, что отца нет, и мы все годы ждали, что вот-вот откроется дверь и он появится на пороге со счастливым лицом. Мама так и ушла из жизни, думая, что он попал в плен. О месте его гибели мы узнали лишь в 1995 году из Книги памяти. Там названа деревня Карпово Нелидовского района Калининской области.

В нашей семье было 12 детей, в живых осталось пятеро: Слава, 1928 года рождения, Тамара — 1931-го, Людмила — 1935-го, Виталий — 1937-го. Они пережили трудные годы войны, выучились, стали ветеранами труда. Слава умер в 1989 году в Сытомино. Он очень любил свой город, долгое время был внештатным корреспондентом в сургутской газете. Знал всех коренных сургутян не в одном поколении. Мама умерла в 1991 году в Тюмени, вечная труженица, всю войну работала, не покладая рук, вырастила и выучила нас. Все, кто ее знал, вспоминают маму добрым словом.

Я, Людмила Ефимовна Пачганова, председатель совета ветеранов педагогического труда, член комитета ветеранов войны, ветеран труда, благодарна судьбе, что мне довелось недавно съездить в Калининскую (Тверскую) область вместе с такими же, как я, детьми войны, и с руководителем поискового отряда «Журавушка» Виктором Николаевичем Рябчиковым. Мы возложили цветы и поклонились праху наших отцов, почтили их память и память всех земляков-сибиряков, погибших на полях сражений.

Вечная память нашим отцам и матерям, верно служившим Родине!

Мы всегда будем помнить их и рассказывать о их жизни нашим детям, внукам, правнукам.

Л.Пачганова

Память о вас жива
под сенью священной благодати.
Ваш ратный подвиг в годы войны
не должен быть забыт.
Поклон вам и благодарность
живущих поколений
на родной
сургутской земле...

Оглавление

<i>Вместо предисловия</i>	3
<i>А. Ярошко. Панкины</i>	6
<i>Г. Тимофеева. Река жизни</i>	19
<i>И. Кондрякова. Ода простому солдату</i>	30
<i>И. Кондрякова. Две похоронки в одну семью</i>	35
<i>Т. Царенко. Жили-были старик со старухой</i>	42
<i>З. Долгушева. А жизнь продолжается</i>	51
<i>З. Долгушева. Четыре дня в пекле войны</i>	54
<i>З. Долгушева. Не забыть эти годы</i>	57
<i>З. Долгушева. Путь-дорога далека</i>	67
<i>В. Заенчковский. Их называли сибирскими «волками»</i>	70
<i>В. Заенчковский. Самая дорогая награда — жизнь</i>	79
<i>В. Заенчковский. Человек в маске войны</i>	86

<i>В. Заенчковский.</i> В атаку под шрапнелью	93
<i>Т. Шматова.</i> «Всю жизнь — казаки!»	99
<i>Г. Кондрякова.</i> Когда я на почте служил.....	112
<i>Н. Распопова.</i> Годы, летящие в даль бесконечную.....	120
<i>Г. Кондрякова.</i> Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд	140
<i>Г. Кондрякова.</i> На тверской земле	143
<i>Л. Пачганова.</i> О родителях — участниках Великой Отечественной войны	150

ИХ ПРОВОЖАЛ И ВСТРЕЧАЛ СУРГУТ

Рассказы о фронтовиках

Составитель Г. Кондрякова

Консультант В. Алексеев

**Книга издана по заказу администрации г. Сургута
(мэр А.Л. Сидоров)**

Редактор В. Рогачев

Технический редактор Артем Ардашев

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Корректор Л. Рычкова

Сдано в набор 02.04.2000 г. Подписано в печать 18.04.2000 г.

Формат 60х108/32. Гарнитура «SchoolBook».

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Усл.-печ. 7,20. Тираж 1000. Заказ №1884.

Предприниматель Мандрика Ю.Л.

Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.

Адрес для переписки: 625003, г.Тюмень, а/я 501.

Тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ГИПП «Зауралье».

640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 108.

ISBN 5-93020-064-5

9 795930 200644